

НОВАЯ КНИГА
о Хотт-табызе

К 65-ЛЕТИЮ Ю. А. ДМИТРИЕВА

НОВАЯ КНИГА О ХОТТАБЫЧЕ

Письма к 65-летию Юрия Алексеевича Дмитриева

Отправитель

От кого *Дмитриев Ю.А.*

Откуда *Респ. Карелия г.г. Петрозаводск
ул. Герцена дом 47 С/30-1*

Индекс места отправления

185035

Группа поддержки Ю. А. Дмитриева
Петрозаводск, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анатолий Разумов. Вместо предисловия. Письмо 1</i>	5
<i>Наталья Демина, Юрий Дмитриев. «Смысл человеческой жизни давно и бесспорно определён». Письмо 2</i>	8
<i>Катя, Софья и Даниил Клодт. Письмо 3</i>	10
<i>Внуки Дарья, Эрик, Алиса и крестница Юля. Письмо 4</i>	11
<i>Лев Пономарёв. Письмо 5</i>	11
<i>Людмила Улицкая. Письмо 6</i>	12
<i>Александра и Ольга Кононовы. Письмо 7</i>	13
<i>Дина Кедрова. Письмо 8</i>	13
<i>Мария Майофис, Илья Кукулин. Письмо 9</i>	14
<i>Ольга Дробот. Письмо 10</i>	14
<i>Виктор Тумаркин. Письмо 11</i>	16
<i>Юлий Гуголев. Письмо 12</i>	19
<i>Марина Вишневецкая. Письмо 13</i>	19
<i>Ольга Носенко. Письмо 14</i>	21
<i>Марина Бородицкая. Письмо 15</i>	23
<i>Светлана Елис. Письмо 16</i>	24
<i>Сергей Гандлевский. Письмо 17</i>	25
<i>Элла Шамис-Осипчук. Тюремный замок. Письмо 18</i>	26
<i>Дмитрий Цвибель. Письмо 19</i>	28
<i>Елена Санникова. Письмо 20</i>	31
<i>Екатерина Хмельницкая. Пара пустяков. (Командировочный очерк). Письмо 21</i>	32
<i>Александр Архангельский. Жорж Нива о Сандармохе. Письмо 22</i>	35
<i>Елена Ильина. «Героизм – это расплата за чье-то разгильдяйство». Письмо 23</i>	37
<i>Светлана Кульчицкая. Человек создающий. Письмо 24</i>	44
<i>Анна Яровая. Юрий Дмитриев стал частью моей жизни. Письмо 25</i>	46
<i>Вера Васильева. Невыученные уроки. Письмо 26</i>	47
<i>Зоя Светова. Карельская аномалия. Письмо 27</i>	49
<i>Виктор Шендерович. Вместо эпилога. Письмо 28</i>	57

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ПИСЬМО 1

25.01.2021

Юрию Алексеевичу Дмитриеву
г. Петрозаводск, ул. Герцена, 47,
СИЗО № 1, 185035

Питер-привет, дорогой Юрий Алексеевич!

То отсылал письма с книжками, а теперь пишу в книжку.

3 декабря послал тебе карельский Синодик и знаю из письма, что ты его получил. В Синодике названы расстрелянные, погибшие и пострадавшие от государственного террора. Это и память о твоей героине Варваре Брусиловой.

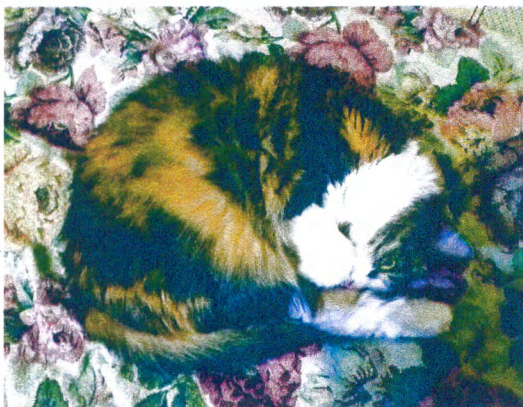
15 декабря отправил второе издание «Место памяти Сандармох», поправленное тобой в изоляторе в феврале 2020 года.

28 декабря послал по просьбе Наташи Соколовской её книгу «Люди хотят знать» (История создания «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина).

Надеюсь, и эти книжки ты получил. Бандероли отправляю из почтового отделения при Российской национальной библиотеке. Это надёжно.

19 января мне прооперировали левый глаз. Вполне успешно, теперь зрение 0,8, а то вообще не мог читать. Сейчас на больничном, 28 января пойду на осмотр к хирургу. Так что твой День рождения встречу в Питере, приеду в Петрозаводск позднее.

С двумя глазами куда легче доводить до типографии второй том «Место памяти Сандармох». Подбираю иллюстрации к разделу очерков и воспоминаний. Как тебе мысль о том, чтобы включить твой очерк о Варваре Брусиловой по материалам давней конференции? Варвара расстреляна на Водоразделе, но Сандармох ведь стал символическим местом памяти обо всех погибших во всех местах злодеяний. Как и Левашово в Питере.

Знаю, что 16 февраля в Третьем кассационном суде общей юрисдикции в Питере должна рассматриваться твоя жалоба, принятая к производству.

И вот что вспоминаю при этой новости.

Накануне твоего первого оправдания проснулся с таким светлым чувством, какое бывает лишь несколько раз в жизни. И не

мог пересказать сон. Бессюжетное радостное ощущение. Как парение зиморodka в небе.

Перед поездкой в Петрозаводск накануне второго оправдания вдруг вижу под утро редкостный длящийся сон. То есть открыл глаза, а он не уходит. Закрыл – он длится до завершения. Входишь ты к нам с Дашкой в комнату, садишься, легко беседуем о том о сём под кофе и «беломор». Так понимаю, что Пасха. Но что-то смущает, и через некоторое время спрашиваю... Ну, ты знаешь, я вообще никого ни о чём не спрашиваю, а тут говорю: «Погоди, так ты, значит, уже освободелся, ты свободен?». На что ты спокойно: «Да, но пока ещё должен вернуться». Я рассказал сон Катерине уже после второго оправдания, когда стали ждать тебя на свободе в ноябре.

И вот, на тебе, совсем недавно снова вижу редкостный длящийся сон. Длинный-длинный коридор. Ну, метров двадцать, трудно понять. В одном конце коридора – гурьбой все твои друзья: петрозаводские, московские, питерские... Посередке, спиной к другому концу коридора, стою сам. Ритмично движемся по направлению друг к другу и твердим: «Мы все книги издадим, Юру мы освободим!». При встрече разворачиваюсь, и уже вместе идём до другого конца коридора. А это, оказы-

вается, вход в СИЗО. Тамбур, за ним открытая решётчатая дверь и улыбающиеся сотрудницы СИЗО в форме. «Погодите, – говорю я, – а Дмитриев? Мы хотели бы свидания с Дмитриевым». «Да вот он ваш Дмитриев!», – приветливо отвечают сотрудницы СИЗО. Ты выходишь в тамбур, без охраны и наручников, и – прямо в коридор, мы за тобой. «А что мы в коридоре-то? – говоришь ты, – пойдём на улицу, там и курить, и говорить будем».

Понимаешь, какая штука-дело во всех этих снах. Мы тебя только на свободе и представляем. Так будет!

23 января гуляли по Питеру с Наталией Леонидовной Евдокимовой и Александром Николаевичем Сокуровым. Прилагаю фото. Поддерживали тебя в прошлом году на презентации книги, на пресс-конференции. Поддерживаем и в Новом году, не сомневайся.

Большой привет и поздравление с Новым годом передают тебе коллеги по созданию Книг памяти: Виктор Кириллов, Лидия Головкова, Алексей Бабий, Сергей Красильников, Иван Джуха, Николай Ольшанский, Александр Акиншин. В нашем ряду большая беда: в Питере 3 января от ковида умер Миша Рогачёв, я был на прощании с ним.

Поклон передают тебе также о. Кирилл Каледа и Роман Романов, члены Правозащитного совета Санкт-Петербурга и мои коллеги по Российской национальной библиотеке.

Будь здоров. Своей крепостью ты и нам опора.

Благополучия и светлых дней твоим сокамерникам и сотрудникам СИЗО.

Пусть будем видеться на свободе.

Обнимаю – твой Толя Разумов

ПИСЬМО 2. «СМЫСЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДАВНО И БЕССПОРНО ОПРЕДЕЛЁН»

Наталия Демина, Юрий Дмитриев

– Дорогой Юрий Алексеевич, хочу в письме задать Вам несколько вопросов. Если бы Вы были как бы и не Вы, а кто-то посторонний, то что бы Вы себе на День рождения пожелали? «Дорогой Юрий Алексеевич, желаю тебе...»

– Терпения и довести любое дело до конца, и как можно лучше. Таких дел у меня сейчас два. Одно из них – две книги, которые надо успеть довести до ума. О спецпереселенцах (почти готова) и о строительстве Беломорско-Балтийского канала и Беломорско-Балтийского комбината НКВД. В этих книгах упоминаются сотни тысяч людей. Это важно для меня – вернуть их имена потомкам.

– Есть ли у Вас жизненный девиз?

– Девиз незатейливый: «Лучше быть, чем казаться».

– Каких поэтов и писателей Вы любите?

– Как ни странно, поэтов Серебряного века. Ещё Константин Симонов (военная лирика), Роберт Рождественский (не всё), Георгий Кикинов – наш карельский поэт. Частично Сергей Есенин и Николай Клюев. Писатели – Антон Чехов, опять же Симонов, публицист – Илья Эренбург. Из более-менее современного – Владимир Санин. Это далеко не всё.

О книгах и писателях могу рассуждать долго. В разные периоды были разные писатели. Но вот книги, которые не под настроение, а на века: «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, Ярослав Гашек с «Бравым солдатом Швейком», Александр Дюма с «Тремя мушкетерами», Джером К. Джером с его лодкой и экипажем. А «Робин-

Фото Н. Деминой

С дочерью после церемонии награждения премией Московской Хельсинкской группы, 12 мая 2018 года

зон Крузо» Даниеля Дефо? Вначале мне нравились книги, которые меня развивали, а затем стали нравиться те, которые учат.

– *Какое качество Вы больше всего цените в мужчинах и женщинах?*

– В мужчинах – мужество и доброту. В женщинах – добросердечность и рассудительность.

– *Есть ли какой-то мужчина-герой, которым Вы восхищаетесь? А героиня?*

– Герой – образ скорее собирательный. Героиня – мать Тереза, Варвара Брусилова (тоже собирательный образ).

– *Поняли ли Вы, в чём смысл человеческой жизни?*

– Смысл человеческой жизни давно и бесспорно определен так: соединение с Богом. А вот путь, которым каждый из нас идёт к Нему, определяется сугубо индивидуально. Мы проходим через череду жизней, в каждой из которых открываем и доводим до совершенства некоторые качества души, требующие корректировки или дополнительного развития. Путь этот долгий – с решением различных задач.

Я думаю, что нынешняя моя жизнь – это процесс осознания души нашей важности, ответственности перед своими предками за то, что мы из их опыта сохранили и приумножили. И оставили своим потомкам. Это моральные ценности. Важность ощущения себя частью своего рода, того, что ты ответственен за его благополучие.

Ну, хватит меня потрошить...

С Сергеем Ковалёвым после церемонии награждения премией Московской Хельсинкской группы, 12 мая 2018 года

ПИСЬМО 3

Катя, Софья и Даниил Клодт:

Папуля, родной мой человек! Поздравляю тебя с твоим юбилеем!!! Желаю тебе здоровья и свободы! Мы друг для друга опора, стена, плечо, жилет и куча чего ещё :) Мы СЕМЬЯ! Я хочу, чтобы ты знал и никогда не сомневался в том, что мы рядом, мы вместе и мы всё преодолеем!!! Надеюсь на скорейшее освобождение. Люблю тебя!

Твоя дочь Катюшка

Дорогой дедуля! Поздравляю тебя с юбилеем! Желаю удачи, счастья и здоровья! Мы все тебя очень сильно любим! И ждём тебя как можно быстрее домой!!!

С любовью, твоя внучка Софа

Дедушка, ты именно тот человек, с которого я беру пример. Мама говорит, что мы очень похожи характером, и я считаю, что это здорово. Я очень тебя люблю и очень жду тебя обратно. Я хочу

поздравить тебя с юбилеем и пожелать тебе ещё больше сил. Люди всегда преодолевали невзгоды, и эту беду мы тоже сможем победить.

Твой замечательный внук

ПИСЬМО 4

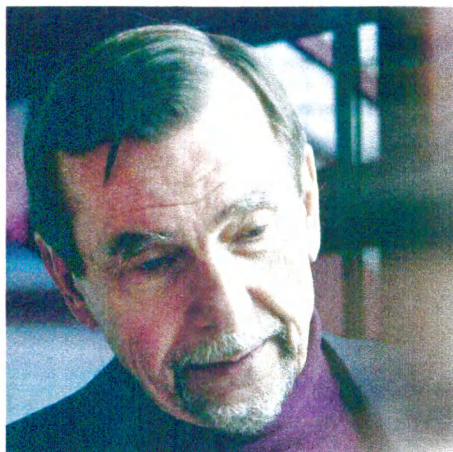
Дорогой наш дедушка и крёстный! Поздравляем тебя с 65-летним Юбилеем! Желаем крепкого здоровья, бодрости, сил, удачи и вдохновения! Пусть вспоминается только хорошее и случается только доброе! Чтобы на сердце всегда было легко, и чтобы родные и близкие люди всегда были рядом!

Твои мудрые советы и наставления бесценны для нас, оставайся всегда таким же – сильным духом и неунывающим!

*С большой любовью и уважением,
внуки Дарья, Эрик, Алиса и крестница Юлия*

ПИСЬМО 5

Лев Пономарёв

Дорогой Юрий Алексеевич!

С самого начала преследований слежу за Вашей судьбой. Переживаю за Вас и разделяю чувства людей, которые стараются Вам помочь.

Поздравляю Вас с Днём рождения! Хочу пожелать Вам здоровья и терпения и в очередной раз повторить, что борьба будет продолжаться. Надеюсь, мы освободим Вас раньше падения режима, символом борьбы с которым Вы стали.

Наша с Вами внутренняя связь базируется не только на том, что мы с Вами создавали и «Демократическую Россию», и «Мемориал». Как и Вы, я довольно близко знал Ваню Чухина и дружил с ним. Мы можем мысленно обменяться воспоминаниями об этом замечательном чело-

веке, который вырос в коммунистической системе и смог решительно покинуть её. Вы продолжаете совместную с ним работу – спасибо Вам за это.

Я поддерживаю Вас и всегда буду поддерживать. Преследование Вас – яркий пример работы российской репрессивной машины. Ваши труды помогли многим жителям России понять, какое у этой страны прошлое, а процесс над Вами – в какой стране мы живём сейчас: в стране, которая хочет забыть об убитых и расстрелянных людях и воссоздать тоталитарный режим.

Повторюсь: здоровья Вам и терпения.

Фото Н. Деминой

В Красном Бору

ПИСЬМО 6

Людмила Улицкая

Дорогой Юрий Алексеевич, желаю Вам здоровья и душевного спокойствия! Шлю Вам своё стихотворение 1970-х годов, ещё ни разу не публиковавшееся.

Немецкое кладбище

Как в ссылке мы – в прекрасной преисподней
Бездомной и оставленной Земли...
А день осенний светом преисполнен
И холодом пронзительным залит.

Над кладбищем как облако висит
Обломок тишины, предвестницы мелодий,
Витающих в обманчивой близости,
Где завтрашнее зреет половодье.

И острые кленовые листья,
Шурша, в безвидном пламени сгорают,
Могилы полыхают как костры,
Но календарь пока не отменяют.

ПИСЬМО 7

Александра и Ольга Кононовы

С Днём Рождения Юрий Алексеевич!

Кроме свободы, пожелание которой – в самом факте существования этого текста, я желаю Вам взаимопонимания с близкими людьми, поддержки и много хороших поводов для встреч! Чтобы всегда хватало сил и внимания на все ответы, решения и задачи. Чтобы большие и неприятные проблемы разом исчерпались, остались только посильные и интересные.

Здорово, что Вы продолжаете свою работу несмотря ни на что! Наверное, это главное, что можно противо-

поставить современным репрессиям, – память и внутреннюю свободу. Опираясь на них, мы всё переживём!

Саша Кононова

Юрий Алексеевич! Спасибо вам за ваш труд, за вашу храбрость и за вашу преданность делу! Желаю вам тридцать раз крепкого здоровья, верных людей, сил на дальнейшую борьбу и скорейшего возвращения домой! С Днем Рождения!!!

С любовью и уважением, Оля Кононова

ПИСЬМО 8

Дина Кедрова

Можно ли обрести внутреннюю свободу, не преодолев внутренний страх? И не является ли этот непреодоленный страх источником полуправды – при-

фото А. Литвина

вычной и ненавистой? Иногда путь к свободе лежит через Сандармох. И правду расстреливают и закапывают вместе с людьми. Но только уничтожить её невозможно! И вместе с именами возвращается и правда, прикосновение к которой помогает преодолевать многое и многим.

С днем рождения, Юрий Алексеевич! Спасибо Вам! Многая лета!

ПИСЬМО 9

Мария Майофис, Илья Кукулин

Дорогой Юрий Алексеевич, поздравляем с днём рождения, желаем здоровья и сил! Надеемся, что новый год принесёт долгожданную свободу и восстановление справедливости. Ждём новых книжек, рассказов, поисковых операций. Надеемся, что всё это ещё впереди.

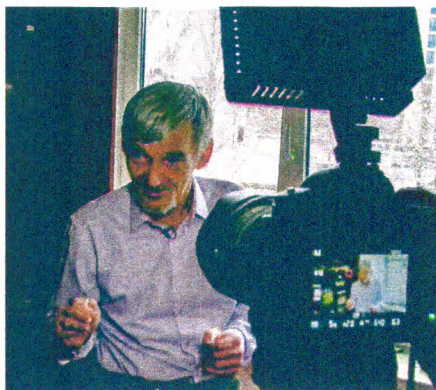

фото С. Кульчицкой

ПИСЬМО 10

Юрий Алексеевич, хочу Вас поздравить с полукруглой датой, 65 лет всё-таки. Желаю Вам, понятно, свободы. А до тех пор здоровья, терпения и недремлющего ангела-хранителя. Я же познакомилась с Вами заочно. И сначала я увидела Вашу семью, друзей, соратников, ребят, с которыми Вы ездили в экспедиции на Соловки.

И обнаружила в них что-то родное и общее для них всех. Близкие ценности, оптимизм в режиме ежедневных личных усилий и не пафосную, а деятельную верность. Михаил Светлов, по преданиям, как-то удачно сказал, что дружба – понятие круглосуточное. Так вот у Вас, Юрий Алексеевич, все друзья круглосуточные, и их не два-три закадычных друга, как часто бывает, нет, их много, вер-

фото из личного архива

Ольга Дробот

Любовь Сумм

ных и неотступных друзей. И все они в своей вере Вам и в товариществе упёртые не меньше, чем Вы в своей работе.

Потом я попала в Красный Бор, огромный расстрельный лес, превращённый в поминальное кладбище. И поразились, как много может сделать один человек, если он кладёт на это жизнь и усилием воли, собой, своей башкой пробивает стену. Вот так годами довольствуется

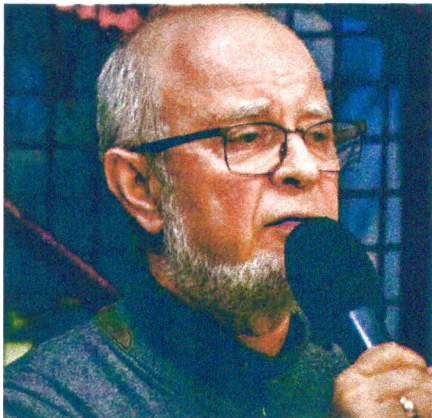
двумя режимами жизни: копает/описывает – сидит в архиве/опознает. Наживает на этом не деньги, а неприятности, но продолжает делать то, что считает правильным. Вот прямо как велел Мартин Лютер Кинг: «Приходит время, когда нужно занять позицию, которая не является ни безопасной, ни благоразумной, ни популярной, но её нужно занять, потому что рассудок говорит, что она правильная».

И когда я наконец с Вами, Юрий Алексеевич, познакомилась, то так и оказалось – помню, как Вы больше всего досадовали на то, что суд и заключение не дают заниматься делом. В смысле тем настоящим делом, которым Вы и вошли в историю нашей страны – увековечением памяти жертв репрессий, возвращением каждого имени. С этого начнётся возрождение общественной морали у нас в стране, и в этом смысле Вы – настоящий пророк. Как всякий пророк Вы неудобны и властям, и обывателям. Миссия у пророков такая: открывать глаза на неприятные факты, требовать, чтобы над ними задумывались, делали выводы.

На Вашем фоне стыдно транжирить время на ерунду, хандрить, закрываться в башне высокой науки от насущной повестки. Так что три вещи хочу я сказать в день Вашего рождения: «Свободу Дмитриеву!», «Благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение и во всём благое поспешение подаждь Господи рабу Твоему Юрию и сохрани его на многая и благая лета!» и «Да здравствует смягчение нравов!»

Дорогой Юрий Алексеевич, будьте здоровы и до скорой встречи на воле.

Ваша Оля Дробот

ПИСЬМО 11

Виктор Тумаркин

Уже несколько лет 65-летие считается юбилеем. Я узнал об этом 4 года назад. Тогда, в 2017-м, Вы, Юрий Алексеевич, встречали свой, ещё не юбилейный, день рождения в СИЗО. Как и два года назад и как в прошлом году. И нынешний, на этот раз юбилейный, день рождения Вы, увы, снова встречаете в СИЗО.

За эти 4 года позорного судилища и в России, и в мире произошло много разных событий. Но они не ослабили внимания к тому, что происходит в Петрозаводске. Впрочем, только ли Петрозаводском ограничивается действие? Подключение к омерзительному беспределу центральных СМИ наводит на другой ответ.

О том, чем Вы, Юрий Алексеевич занимаетесь и за что Вас в действительности судят, уже много писали. И Ваши друзья, и честные профессиональные журналисты. Я, познакомившийся с Вами в 2018 году, когда Вас ненадолго выпустили под подписку о невыезде, и общавшийся с Вами только в переписке, не буду заниматься повторами, да ещё худшего качества. Хотелось бы остановиться на том, как Ваше дело («Дело Дмитриева») отразилось на нас, тех, кто пропустил его через себя, кто постоянно следит за развитием событий, переживает за Вас, продолжающего находиться в заключении, негодует по поводу творящихся беззаконий. Понятно, что я не могу говорить за всех.

Среди нас разные люди, и ведут они себя по-разному. Кто-то принимает участие в судьбе многих несправедливо осуждённых, кто-то при первой возможности едет на заседания суда, кто-то регулярно участвует в пикетах, кто-то пишет в доступных СМИ, кто-то помогает материально, кто-то с Вами переписывается (понятно, что многие совмещают что-то из перечисленного, а то и всё). Но всех объединяет уверенность в полной Вашей невинности, в том, что обвинения сфальсифицированы и осуществляется расправа. Причём это не слепая вера, а уверенность, основанная на внимательном изучении всей доступной информации. Это первично.

Если бы не было этой уверенности в то, чем бы Вы ни занимались, не было бы такой поддержки. Хотя нельзя отрицать, что Ваш род деятельности, Ваша работа, столь необходимая нашему обществу в целом и многим-многим конкретным людям, отразилась на массовости поддержки (известны случаи аналогичных беспочвенных обвинений, не вызвавших подобного резонанса), приоритеты расставлены именно так.

Я хотел бы отметить следующие моменты:

1. Регулярные встречи в Вашу защиту сдружили многих ранее не знакомых друг с другом людей. Общение безусловно обогатило их, позволило осуществлять совместные проекты в различных направлениях, обсуждать животрепещущие темы и узнавать от новых друзей ранее неизвестную информацию.

2. В совместных усилиях противостоять лжи официальной пропаганды по делу Дмитриева мы помогали друг другу находить верный тон в дискуссиях с сомневающимися, проявлять сдержанность, делиться нужными ссылками, то есть грамотно вести просветительскую деятельность. И отличать тех, кто действительно хочет разобраться, от тех, с кем бесполезно спорить и кому надо дать жёсткий отпор, чтобы люди не попадались на их удочку.

3. Пожалуй, самое главное. Тут, впрочем, я могу говорить только за себя, но думаю, что многие будут со мной солидарны. Всё это время я постоянно оглядывался на Вас, на Ваше поведение в заключении, на Вашу реакцию на те или иные события, на то, что Вы говорите в своих письмах. Вы поразительно цельная личность с мощным стержнем – мужественная, нравственная и созидательная. И, при всей своей прямоте, удивительно деликатная. Несколько раз в переписке я замечал, что, когда меня заносило,

Вы давали это понять как-то незаметно, абсолютно не поучая.

В общем, мне общение с Вами много даёт. И, уверен, не мне одному, так как, я знаю, Вы внимательно относитесь к каждому корре-

Фото из ФБ Группы поддержки Ю.А. Дмитриева

спонденту. И еще: Ваша стойкость и вера в конечную победу не даёт нам права предаваться отчаянию от бессилия повлиять на ситуацию. Если Вы не сдаётесь, то и мы не должны!

Дорогой Юрий Алексеевич, поздравляю Вас с юбилеем! Очень надеюсь, что справедливость восторжествует, и не когда-нибудь, а в 2021 году, и как можно раньше. Не сомневаюсь, что Вы ещё сможете сделать очень много из задуманного. И можете всегда рассчитывать на нашу помощь.

из писем Ю. А. Дмитриева

«...а я уж как-то по старинке буду разгребать "врагов народа". Потому что это НАДО всем нам. Потому что это наша История, и её переписывать не дам!»

«Не могут, не умеют и отучены наши люди соотносить историю своей семьи и государства. Верить истории учат только "правильной" и высочайше разрешённой. А не той, которая была».

«Как ни странно, нет у меня страха. <...> Нашли чем меня поучать! Смертью в лагере? Не повезло этим прокурорам. Я им сам могу месяца два рассказывать (без перерыва), какие уголовные дела я читал, в руках держал... Так что примеров несправедного судилища знаю не одну тысячу. Значит, пришло и моё время быть там "где мой народ, к несчастью, был" (А.А.А.) Я эту смерть изнутри, из земли выкапывал. Мне ли её бояться?! Чудаки – одним словом – прокуроры и иже с ними. Из сторожа Сандармоха сделать символ? Зачем? Им что, спокойно править надоело?»

«Люди все разные, и у каждого свой порог "несгибаемости". Отчего бы и не поддержать тех, у кого, как им кажется, надежд на успех не осталось или силёнки для борьбы заканчиваются».

«...маленько придя в себя от цирка под именем апелляциянная инстанция Карелии, сообщаю: жив, здоров, бодр и свеж! Борьба будет,

несомненно, продолжена. Упаднических и пораженческих настроений нет. Есть вера в победу и понимание того, какой путь надо до неё пройти».

фото С. Кульчицкой

Зарецкое кладбище, апрель 2018

ПИСЬМО 12

Юлий Гуголев

Уважаемый Юрий Алексеевич, этим стихотворением из своего сборника «Волынщик над Арлингтоном» хотел бы поздравить Вас с юбилеем. Желаю Вам сил и здоровья!

...лишь мерцает
крылышко комара.
Григорий Дашевский

Как будто под небесным потолком
беснуется комар какой зудящий
иль колокольчик, ставший мотыльком,
колотится о слух в стеклянной чаше,
звук только оттеняет тишину,
как свет неяркий, греза о котором,
слепой нащупал ниточку одну
и связь установил со светофором.
И вот на этот свет, на этот звук
мерцающий, пульсирующий, скорый,
он движется, не выпустив из рук
ту нить, что служит зреньем и опорой,
изнанкой пустоты, обложкой тьмы,
которая его лица касалась,
которую в свой срок узнаем мы
и зазвеним всем, что от нас осталось.

ПИСЬМО 13

Марина Вишневецкая

Дорогой Юрий Алексеевич, вот и снова мы с вами ровесники – до самого октября. В школе это было важно: кто кого старше, на сколько месяцев, а кто ещё малышня и не возьмут в пионеры. Всё это было

М. Вишневецкая на пикете

ны. Зубрили для экзамена по истории «съезды партии» – их записанные римскими цифрами номера и решения. И всё это время где-то неподалёку жила-была девочка Лена. Красивая, крупная, но негромкая. Со своей семейной историей и судьбой. Но что мне было до этой её истории? Я и своей-то толком тогда не знала. Так и жили – лом, макулатура, тройки, пятёрки. У Лены, кажется, чаще тройки – не «моего круга» была девочка.

С тех пор прошло пятьдесят лет – жизнь. И я, уже полвека москвичка, медленно дрейфовала прочь от города детства, о девочке Лене не вспоминая за эти годы ни разу. Училась, делала фильмы, путешествовала, полюбила город Петрозаводск, куда, начиная с 2017 года, зачастила. Потом зачастила в пикеты (вот, Юрий Алексеевич, мы наконец подобрались к главному). Фотографию одного из таких пикетов год назад выложила в Фейсбук: «Свободу Юрию Дмитриеву!». Потому что пикеты пикетами, а в Фейсбуке тебя увидит и услышит куда больше людей – и отзовётся лайками, комментариями, перепостами...

Среди прочих комментов – и это было невероятно – я увидела привет от девочки Лены. Спустя пятьдесят лет: «Марина, низкий поклон тебе и такому человеку, как Ю. Дмитриев. Благодаря его кропотливому, титаническому труду, я нашла в харьковских списках своего деда, расстрелянного в Сандармохе. Под № 60 – Фреев Степан Михайлович. Огромное человеческое спасибо...». А несколько дней спустя и в группе, носящей имя нынешнего юбиляра: «Лично низкий поклон и человеческое спасибо Ю. Дмитриеву – за «Списки», за титанический труд, за личностную позицию. Я думаю, что правда должна победить ложь, и Вы опять возвратитесь и понесёте свою нелёгкую, но такую благородную миссию».

невероятно давно. Я училась в Харькове в школе № 1 имени Лёнина. И зачем бы мне было сейчас о ней вспоминать?

Собирали металлолом, ходили по квартирам и выпрашивали макулатуру, чтобы победить класс «А» и класс «Б». Вы в каком классе учились? Я в «В», а потом уже в «А», когда он стал математическим. Помогали двоечникам, делали стенгазету, устраивали спектакли и викторины.

Имя деда Лены Райновой, Фреева Степана Михайловича, я легко нашла в базе «Мемориала»:

харьковчанин, 1898 г. р., украинец, прапорщик галицийской армии, беспартийный, доцент ВУЗа при Полиграфкомбинате, арестован по делу «Украинской военной организации» в 1933 году. Отбывал наказание на Соловках. Расстрелян 3 ноября 1937 г. в урочище Сандармох.

Почему меня «пробила» именно эта история? Почему только благодаря ей я ощутила и прожила то, что о Вас знают все, и знают давно? Вы – точка сборки прошлого и будущего, личного, экзистенциального и родового, своего и чужого. Думаю, что Сандармох был рядом со мной всегда, с самого детства. А я об этом не подозревала.

– Лично низкий поклон и человеческое спасибо! Правда должна победить ложь, – повторю я за Леной, а от себя с надеждой добавлю: – До встречи на воле!

ПИСЬМО 14

Ольга Носенко

Карелия вошла (или про-никла?) в мою жизнь очень давно, ещё с институтских лет. Не много найдётся в Карелии речек и озёр, по которым бы я не ходила на байдарке или катамаране сначала с друзьями, потом – с детьми, ещё позже – с внучками. Карелия всегда была разной – изредка голубой, чаще – холодной, с ветром и тяжёлым дождём. Но почему-то снова и снова туда тянуло вернуться. И никогда я не задумывалась о том, что в Карелии, как и везде, были лагерь, была война.

Я видела зоны (и живые, и заброшенные) на Урале, в Норильске. Человеческие кости в пулемётных ячейках на хребтах Кавказа. Начинённую металлом и костями землю в Калужской и Смолен-

Ольга Носенко «Петрозаводск. Онего»,
54x47, 2020

ской областях. Но в Карелии для меня были только озёра, реки, скалы, грибы... А на Соловках – монастырь...

Я ничего не знала о Сандармохе до тех пор, пока не появилась статья «Дело Хотгабыча» Шуры Буртина*. И вот в эту минуту и в этом месте моя жизнь пересеклась с Сандармохом, Красным Бором, Беломорско-Балтийским каналом и Юрием Дмитриевым. Неточное слово я выбрала – не пересеклась, а завязалась в прочный морской узел. И сейчас я не представляю себе своего бытия без всех людей – друзей, – с которыми я познакомилась за эти несколько лет чтения, переписки, поездок в Петрозаводск.

Господи, помоги нам победить и собраться за весёлым праздничным столом!

Юрий Алексеевич, когда ты выйдешь – у тебя не хватит посуды, чтобы накрыть этот пиршественный стол для всех старых и новых друзей. Пироги, пельмени, солёные огурцы мы принесём сами, ты только наберись терпения, мужества и здоровья, чтобы дождаться этого счастливого дня. С днем рождения!

Ольга Носенко «Петрозаводск. Улица Герцена», 54x47, 2020

P.S. Эти картинки сделаны из денима, добытого из старых джинсов моих друзей. Что-то в этом есть если не сюрреалистическое, то символическое уж точно.

На первой – тихое, но грозное озеро. Онежское, конечно, но не совсем. Вдали острова с крестами над могилами. А в воде – то ли сети из колючей проволоки, то ли отражения звёзд. И одинокая, но упорная лодочка. Во второй работе озеро бушует, захлёстывает забор, опутанный проволокой. И мы все тут, среди этих волн. Непотопляемые, не отступающие.

* Статья доступна на: <https://les.media/articles/406627-delo-khottabycha>

ПИСЬМО 15

Марина Бородицкая

Дорогой Юрий Алексеевич!

Я долго искала среди своих стихов чего-нибудь радостного – в последнее время такое в дефиците – и остановилась на этой балладе по мотивам старинной нормандской легенды. Все мы

служим, как можем, а Вы – во много раз больше, чем можете...

С днём рождения! Будьте, пожалуйста, здоровы и крепки духом!
Безмерно уважающая Вас

Фото Е. Ильиной

Озеро Святое, Соловки

Баллада

Старенький кюре услышал шорох:

– Неужели снова балаган?

(О заезжих вспомнил он актёрах –

Тех, что утром выгнать полагал.)

Было в церкви сумрачно и сонно,

И давно истаял летний день,

Только перед статуей Мадонны

Лёгкая приплясывала тень.

А над нею в воздухе кружили

Шарики цветные, счётом пять...

– Кто ты есть? Какой ты служишь силе?

Как посмел ты ночью здесь плясать?

– Я жонглёр, – ответил грешник юный, –

И из всех искусных циркачей

Я один в Нормандии подлунной

В воздух поднимаю пять мячей.

К ночи отработали артисты

И спешат поклажу увязать,

Но хочу Младенцу и Пречистой

Я свой лучший номер показать.

И вздохнув, кюре сказал: – Ну что же,
Сын мой, не сердись на старика.
Деве Пресвятой служи как можешь...
Дело было в Средние века.

ПИСЬМО 16

Светлана Елис

Перечитала Ваши письма, Юрий Алексеевич. Если не знать адреса- лично, то можно нарисовать такой портрет: двадцатилетний юноша из прошлого века, сидящий на резном крыльце, залитом солнечным светом. Дом большой, чистый, во дворе пахнет хлебом и сеном. Где-то на улице бегают соседские дети, кричат петухи и другая скотина, тётки суеются с вёдрами – всё это звуки живой деревни, наполняющие пространство счастьем простой и мудрой жизни.

Этот юноша хорошо образован, начитан, физически развит. Ох, и не одно сердце он разбил, так как ждёт «ту самую». Снилось ему девушка по имени Варвара и ради неё он готов обойти пешком всю планету, лишь бы просто увидеть её, спасти, если понадобится, любить её и защищать до конца своих дней. Да, жизнь не простая штука, но ничего, «не страшны преграды» этому молодому человеку. Не боится он ничего.

Он может запросто общаться с кем угодно. Хоть с большим начальством, хоть с ребёнком – нет для него никакой разницы, все люди для него равны. Честный, искренний человек. Ну и упрямый, конечно. Такие люди постоянно находят на свою голову приключения – сложная, но интересная жизнь у них получается. А как иначе? На таких людях мир и держится.

Рада, что у меня есть эти письма на тетрадных листках, написанные бисерным почерком. Буду всем, кто сомневается, говорить: «Вот, почитайте, какие такие шестьдесят пять? Двадцать лет ему! Ну, от силы двадцать один!».

Фото Е. Ильиной

Вид с Секирной горы, Соловки

Удивительно, но герои нашего времени – это не те люди, которых нам навязывают. «Повторяй за мной, и ты станешь таким же крутым!» Такие «герои» появляются каждый день и не успеваешь следить и повторять.

Настоящих героев едва ли можно разглядеть в этом шумном мире. И вряд ли каждому захочется повторить их путь. Посмотрит кто-нибудь на фоточарточку и скажет: «Ну нет, это дедушка какой-то, вы что, никогда героев не видели? Ерунда».

А я им отвечу: «Напишите письмо Ю. А. Дмитриеву и сами всё увидите».

Фото В. Меклера

ПИСЬМО 17

Сергей Гандлевский

Дорогой Юрий Алексеевич, посылаю Вам своё стихотворение 2013 года. Надеюсь, будет под настроение...

Старый князь умирает и просит: «Позовите Андрюшу...»

Эта фраза из раза в раз вынимает мне душу, потому что, хотя не виконты и не графья мы, в самых общих чертах похоже на смерть моей мамы.

Было утро как утро, солнце светило ярко.

«Позовите Сашу, Серёжу, найдите Марка», – восклицала в беспамятстве и умерла назавтра.

Хорошо бы спросить напрямую известного автора, отчего на собственный мир он идёт войною, разбивает сердца, разлучает мужа с женою.

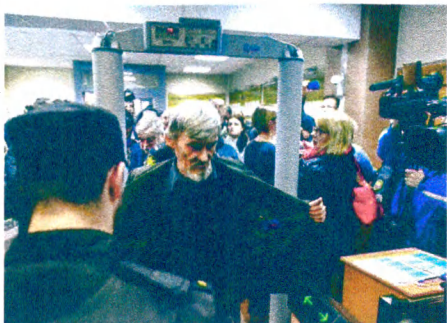
Либо что-то в виду имеет, но сказать не умеет, либо он ситуацией в принципе не владеет.

ПИСЬМО 18. ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК

Уважаемый Юрий Алексеевич!

Меня зовут Элла Осипчук. Я живу в Петрозаводске с 1975 года (мой муж Валерий – коренной петрозаводчанин). Мы знали от его ближайших родственников по отцовской линии, что его дед был арестован по ложному обвинению и погиб, расстрелян. Но где это было, других подробностей мы не знали.

Фото С. Кульчицкой

Благодаря Вашим трудам, мы теперь знаем, где приведены в исполнение эти несправедливые приговоры. Мы узнали также, что вместе с дедом моего мужа погиб его старший брат, у которого тоже была жена и много детей. Одна дата ареста, одна дата расстрела. И в тот день были расстреляны в Сандармохе 457 человек – самая большая цифра за день.

21 января 1938 года – это день 15-й годовщины смерти Ленина. Мы ощутили масштабы этой катастрофы, увидели эти расстрельные списки, потом увидели эти расстрельные ямы... И это не только Сандармох!

Сколько людей, невинно оклеветанных, замученных тяжёлым трудом, принявших смерть от пули в затылок и наказанных ни за что, погибли в тех многочисленных местах, которые найдены Вами и такими же смелыми людьми, как Вы. Мы Вам очень благодарны. Мы хорошо понимаем, за что теперь наказывают Вас, за что страдаете Вы. И мы преклоняемся перед Вашей стойкостью, мужеством, бескомпромиссностью, благородством начатого Вами дела. Желаем Вам выстоять во что бы то ни стало, свобода придёт. Вы истинный патриот России. Россия очистится от ужасных грехов, от лжи и страха, от несправедливости, от несвободы духа. Держитесь, Юрий Алексеевич, с Вами многие.

Прилагаю к письму интересный факт о том здании, в котором Вы пребываете сейчас. Здесь отбывал наказание великий русский поэт Николай Клюев. Он отсюда вышел на свободу. И этого же мы желаем Вам в Ваш 65-й день рождения.

Семья Осипчук, Элла и Валерий

Три события связывают Петрозаводск с именем великого русского поэта Николая Клюева (1884–1937):

- учёба в фельдшерской школе в 1901–1902 годах в 17 лет,
- заключение в Петрозаводской тюрьме в 1906 году,
- участие в митинге на Кургане после выхода из тюрьмы.

Из уведомления петрозаводского полицеймейстера в Олонецкое жандармское управление от 28 мая 1906 года следовало, что 27 мая в Петрозаводскую губернскую тюрьму был доставлен крестьянин Николай Алексеевич Клюев после четырёх месяцев заключения в Вытегорской тюрьме по обвинению в антиправительственной пропаганде.

В 1923 году поэт вспоминал об этом времени: «Начальство почитало меня опасным и "тайным". Когда перевозили из острога в губернскую тюрьму, то заковали меня в ножные кандалы. Плакал я, на цепи свои глядя. Через годы память о них сердце мне гложет...». Волей-неволей губернскую тюрьму узник разглядел (ныне – следственный изолятор № 1).

26 июля 1906 года Клюев был освобождён. Но тема заключения неоднократно звучит в стихах поэта, что объяснимо. За короткое время – три тюрьмы: в Вытегре, Петрозаводске, за отказ выполнять воинскую повинность. Его «Прогулка», «На часах», «Я надену чёрную рубаху» навеяны, возможно, и воспоминаниями о Петрозаводском остроге:

На часах у стен тюремных,
У окованных ворот,
Скучно в думах неизбежных
Ночь унылая идёт.
Вдалеке волшебный город,
Весь сияющий в огнях,
Здесь же плит гранитных холод
Да засовы на дверях.
Острый месяц в тучах тонет,
Как обломок палаша:
В каждом камне, мнится, стонет
Заключённая душа.

(«На часах», 1907 год)

ПИСЬМО 19

Дмитрий Цвибель

Существует много возможностей узнать сущность человека. Это и друзья, с которыми он общается и которых выбирает; это и слова, которые он произносит, мимика, жесты, привычки и привязанности, любимые занятия, образ жизни и т. д. Но лучше и надёжней характеризуют человека плоды его дел. Как гласит Евангелие от Матфея: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Мф 7, 20). Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые (Мф 7, 17–18).

Фото Д. Цвибеля

С Александром Кисиним, внуком Григория Шкловского, личного друга Ленина, убитого в Сандармохе Петрозаводск, 12.08.2009

В Карелии проводили исследование степени толерантности по районам, и оказалось, что самый толерантный район – Медвежьегорский. Исследователи задали вопрос, на который сами не смогли ответить: почему? Ответил я: потому, что там Сандармох.

Уже который год 5 августа в Сандармох приезжают люди самых разных национальностей, из разных стран. Всех объединяет трагедия, которая произошла в этом страшном месте, трагедия, сотворённая людьми против людей. И начинает появляться осознание, что у беды нет национальности, что каждый может попасть под эти жернова, если будут закрывать глаза на творящееся зло, если позволить злу торжествовать. (Как сказал англо-ирландский политический деятель Эдмунд Бёрк: «Для торжества зла достаточно, чтобы достойные люди бездействовали».)

Фото из личного архива

С Александром Ландой и Дмитрием Цвибелем после установки памятного знака евреям, убитым в Сандармохе. Сандармох, 30 05 2005

И люди видят, что независимо от национальной, конфессиональной, государственной принадлежности горе объединяет всех. Причём видят не фигурально, а буквально – это происходит на их глазах, здесь, сейчас. Это сильный эмоциональный урок, урок, способный изменить предубеждения против «чужих», «не своих», «понаехавших»... Как написал Пётр Чаадаев: «...Вот, по нашему мнению, первые условия истинного совершенствования как индивидов, так и масс. Лишь вникая в свою протекшую жизнь, те и другие научатся выполнять своё назначение; лишь в ясном понимании своего прошлого почерпнут они силу воздействовать на своё будущее» («Философические письма», стр. 87).

Известно, что без прошлого нет настоящего, без настоящего нет будущего. И Юрий Дмитриев хорошо прочувствовал это, предложив национальным объединениям поставить памятники своим соплеменникам. И уже стало традицией, отдав долг памяти своим соплеменникам, принять участие в церемонии у памятного знака убитым других национальностей. А когда видишь слёзы пожилых людей? Слёзы горя, но и слёзы радости, что нашлось, наконец, место, куда можно прийти и помолиться за упокой убитых родных и близких. И поблагодарить тех, кто нашёл это место, сделал это место народным достоянием вопреки, казалось бы, полному затаптыванию и забвению.

Сандармох стал тем, чем есть, не так давно. Он вообще мог и не появиться, если бы не титанические усилия, воля и ответственность за

фото Д. Цвибеля

С двумя Наташами Слева – Наталья Пакентис, нашедшая место смерти своего деда, Антона Пакентиса, справа – балерина Наталья Гальцина. Медвежьегорск, 05.08.2015

фото Д. Цвибеля

Справа – Катажина Пельчинская-Наленч, посол Польши в России (2014-2016), вручившая Юрию Дмитриеву государственную награду Польши «Крест Заслуги»; слева – Ирина Флиге (НИЦ «Мемориал», Санкт-Петербург). Медвежьегорск, 05.08.2015

У памятного знака вайнахам.
Сандармох, 05.08.2011

историческую справедливость одного из наших современников, кем будет гордиться Россия, – Юрия Дмитриева. А он сейчас сидит в клетке, в наручниках, как самый опасный преступник в нашей многострадальной стране!!!

Неужели опять: «Нет пророка в своем отечестве?» Конечно, в стране, «избивающей своих пророков», лучше сидеть, чем лежать, но пора ясно осознать, что отрицание факта преступления является первым шагом к его повторению. И Юрий Дмитриев делает то, что не может не делать, и являет собой пример подвижнического служения великой идее – очистить нашу совесть от скверны коммунизма, чтобы мы оставили нашим детям страну без груза страшного прошлого, чтобы само слово «Россия» ассоциировалось со светом, разумом, прогрессом.

Юрию Дмитриеву

Россию вновь накрыла тьма –
 Так было уж не раз.
 И шестикрылый Серафим
 С небес даёт наказ.
 Он вырвал грешный мой язык
 И уголь горящий дав,
 Воззвал: Иди, буди от сна –
 Пробил урочный час
 Очистить головы людей,
 В которых тлен и мох,
 Покуда землю не покрыл
 Навеки Сандармох.

ПИСЬМО 20

Елена Санникова

Четыре года назад меня поразила весть о том, что против историка Юрия Дмитриева сфабриковано грязное уголовное дело.

Два года спустя, 5 апреля 2018 года, я впервые приехала в Петрозаводск. Первым сильным впечатлением было посещение мемориального комплекса на Зарецком кладбище, созданного усилиями Юрия Дмитриева. Останки более чем 400 расстрелянных людей перенесены сюда из расстрельных ям на окраине Петрозаводска.

5 апреля суд огласил оправдательный приговор Юрию Дмитриеву. И радостно было оказаться в той атмосфере, среди большого количества отличных людей, приехавших на суд из разных городов России и даже из других стран.

Но несколько месяцев спустя Юрий Дмитриев был вновь арестован.

С тех пор я много раз приезжала в Петрозаводск. Не только для того, чтобы побыть вместе с другими людьми у зала суда, где за закрытыми дверями шёл новый процесс над Юрием Дмитриевым. Я побывала и в Сандармохе, и в Красном Бору. И вот что поражает меня во всех мемориальных местах, в создание которых вложил столько сил Юрий Дмитриев: вместе с пронзительным ощущением всей глубины трагедии здесь чувствуется что-то другое, жизнеутверждающее, стремящееся победить смерть. Дело в том, что и на Зарецком кладбище, и в Сандармохе есть усилие оживить память о каждом человеке, вернуть нам из подавляющей цифры безвинных жертв – живое лицо, живую судьбу, живое имя.

«Не потому ли так ополчились на этого человека силы зла, что он пытается воскресить погибших?» – подумалось мне в Сандармохе.

Конечно, реальная подоплёка преследований Юрия Дмитриева – это откровенная оценка событий сегодняшнего дня, которую Юрий Дмитриев давал на официальных мероприятиях, и раскрытие имён палачей, и вся его деятельность, не по вкусу пришедшая кому-то во власти.

Всем известен так называемый метод гнилой селёдки, его изучают спецслужбисты на уро-

Фото Н. Деминой

Елена Санникова

ках боевой пропаганды: выдвинуть против человека такое вымышленное обвинение, от которого не отмыться.

Четыре года мучают в тюрьме и в судах Юрия Дмитриева. Сломали жизнь ребёнка, его приёмной дочери.

Но, по-моему, не работает их метод, и не пристаёт грязь к этому мужественному человеку.

Дух Юрия Дмитриева не сломлен. Лживому обвинению никто не верит. Множество отличных людей, приезжая поддержать Юрия Дмитриева в Петрозаводск, перезнакомились друг с другом. Многие узнали через дело Дмитриева о Сандармохе и побывали там.

Юрий Дмитриев пишет очень интересные письма из тюрьмы.

Пишите ему – не пожалеете!

Я верю, что добро победит. Юрий Дмитриев должен быть оправдан и выйти на свободу, несмотря на темень и мрак, стусившиеся сегодня вокруг него.

ПИСЬМО 21.

ПАРА ПУСТЯКОВ. (КОМАНДИРОВОЧНЫЙ ОЧЕРК)

Катерина Хмельницкая

«Ну, как тебе Дмитриев, какой он вживую?» – спрашивают друзья и коллеги.

Добрый.

Это, наверное, не самое информативное определение. Но точнее не выразусь.

– Ну, если чуток развернуть, то, знаете, – добрый, смиренный, тихий, простой... а в чём-то совсем даже и не простой. Тихо делающий своё дело, не задумываясь о его важности и величине. Как часто у нас – гонимый, в общем, настоящий, обычный русский человек...

– Ты понимаешь, какую ужасную вещь ты сейчас говоришь, – горько улыбаются друзья, – настоящий обычный русский чело-

Фото Е. Ильиной

век: добрый, тихий, смиренный, делающий громадное дело, гонимый. Страшная формула национального характера...

В этом месте, как вы понимаете, закономерно случается «найпервейшее дело кухонное – ...русский ночной... и т.д.», но его мы здесь опустим.

Я ехала, честно говоря, не имея в виду личного знакомства. Ситуация к тому никак не располагала. Суд, тревожнения, нас 40 с лишним человек – не до того. Наша цель была – поддержать, побыть рядом, сказать словом и делом, в основном делом, и даже не делом, а просто соприсутствием, что человек не один перед лицом свалившейся на него напасти. Так, по крайней мере, я её понимала.

И всё-таки личное знакомство случилось. Иногда, чтобы субъективно уловить суть человека, не надо ни долгих задушевных разговоров за полночь, ни пуда соли, ни длинных времён соработничества бок о бок, достаточно пары пустяков.

Вот после суда – толпа журналистов, смартфоны, вспышки, тихо говорит адвокат, ещё тише стоит позади Юрий Алексеевич, просто улыбается. Ни малейшего желанья ни светиться, ни витийствовать. Как и во всех его делах. Просто ищет кости, сухие кости, винные-безвинные (все кости в чём-нибудь повинны, все разрушены-убиенны безвинно), просто служит панихиду на страшном месте, а потом, говорят, и кадиш, и заупокойный намаз... «Кости сухие! слушайте слово Господне!» (Иез. 37, 4). Просто ставит крест, просто могильный камень. Надо быть добрым, чтоб эту вязкую, одинокую, многолетнюю, изматывающую работу выдерживать.

Просто удочерил приятскую девочку, худенького заморыша... кости сухие... Надо быть добрым для всего этого, надо всех очень жалеть. Да так, чтобы жалость не была тщетной, по-древнерусски, чтобы была любовью (глагол «жалеть» и значил тогда «любить»).

На городское кладбище мы едва успели совсем уже под конец, выспрашивали адвоката Виктора Ануфриева, ждали его эфира с «Дождём».

Фото Н. Деминной

Виктор Ануфриев и Юрий Дмитриев
после приговора первого суда,
5 апреля 2018

Вот мы тащимся по 24-градусному морозу к точке пропитания. Точнее – я тащусь. А кто-как: кто вприпрыжку скачет, козлом угонзая от холода, а кто себе вальяжно беседею. Я – ковьялю. Мёрзну ужасно, я и в жару бывает мерзну, и всегда отстаю, и привычно за всеми не поспеваю, и привычно стараюсь не огорчаться, уж научилась, за 45 лет-то.

– Ну, ты живая, милая? Давай, держись...

Это Дмитриев, добрый человек, откуда он взялся-приметил, сразу понимаю, что всё-таки не до конца научилась не огорчаться, уж больно радуюсь. Тут и пришли.

На обеде Юрий Алексеевич тоже в основном молчит, улыбается, иногда благодарит...

Всё это время нас, столичных тётушек, обихаживали студенты-киношкольники, ребята лет 20 из Московской международной киношколы. Мало сказать обихаживали, были нам практически родной матерью, как Малыш Карлсону. Кормили-поили, некоторых даже одевали. И это отдельное само по себе радостно-обнадёживающее впечатление. Не то, что поили-одевали (хотя это было очень трогательно), а то, что, как они рассказали уже в поезде, их руководитель Юрий Михайлин, тоже в общем-то молодой совсем человек, когда всё это случилось с Дмитриевым, вдруг как-то понял для себя, что невозможно смириться с таким бесчинством зла, что нельзя расписываться в собственном бессилии, что нужно что-то делать, неважно даже поначалу что; придёт в процессе. И они стали делать.

Потом лекция Мариэтты Омаровны Чудаковой про 1917–1918 годы. Совершенная противоположность. Резкий, ясный ум, чёткая, без цезур и провалов речь. Напористая, авторитарная, провокативная, подкупающая и отталкивающая. Мне бы такой слог, не то, что в 80 (дожить бы), сейчас бы хоть малость... Носится эта женщина-ракета в свои 80 по всей стране с лекциями, пишет учебник истории для младшей школы, чтобы не транслировать из поколения в поколение ложь, поверяет на знакомых детях, составляет с помощниками словарь для малолеток с непонятными устаревшими словами, они ей их подчеркивают. Например, калека... не знают такого, знают «инвалид». Я бы и младшей 14-летней дочке дала такой учебник почитать, подозреваю, и старшие, историки-филологи, парочку «открытий чудных» там бы обнаружили.

После лекции по очереди прощаемся с Ю.А. Внезапно достаиваюсь воздушных объятий, болтаю ножками под радостное щёлканье фотокамер. «Милая, в чём дух-то держится?» Кости, кости, сухие мои кости...

ПИСЬМО 22. ЖОРЖ НИВА О САНДАРМОХЕ

Александр Архангельский

Я долго думал, что же предложить в сборник в честь Юрия Дмитриева. Рассказ о том, как впервые побывал в Сандармохе? Или о том, как наша комиссия (по гражданскому обществу) выдвигала его вместе с коллегами на Гайдаровскую премию за деятельную защиту памяти? Или о том, как выступал на президентском совете по культуре в защиту историка и призывом провести независимую экспертизу – и на некоторое время показалось, что подействовало. Но в конце концов решил сказать от себя – и не только от себя, предложив фрагмент из книги, выстроенной мной на основе долгих разговоров с крупным французским славистом, переводчиком Белого и Солженицына, Жоржем Нива. Это как бы его монолог о судьбе, пожизненно связанной с Россией. И завершается она – размышлением Жоржа Нива о Сандармохе.

Из книги «Русофил. История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим»

Моё отношение к России, конечно, связано с моей биографией. Потому что места, где ты оказываешься, когда тебе двадцать с небольшим, – важнейшие. Мне иногда говорили, что я хочу жить, как русские. Но это вовсе не так. Я живу, как француз, но живу русским языком. Я больше читаю на русском, чем на французском.

И тут меня успокаивает вот такая мысль. У Европы нет своего единого языка. Когда-то была латынь, и московские епископы могли переписываться на латыни с Сорбонной, но теперь латынь осталась в тех редких приходах, один из которых посещал Пьер Паскаль. Значит, язык Европы – это перевод. Бесконечный перекрёстный пере-

Фото Т. Сорокиной

Александр Архангельский и Жорж Нива

вод. Со всех сторон, со всех языков. Евроскептики издеваются над Европейским советом за то, что в нём столько официальных языков, сколько есть наций. Но на самом деле именно это показывает нам правильный путь: нет ненужных языков, как нет ненужных людей. Сказать, что этот человек некрасив, не умён, поэтому он не нужен, мы не имеем права. Если мы такое говорим, значит, сами перестали быть людьми.

А ещё, помимо восхищения языком, меня подкупает в России манера общения. Какая-то особая нежность. Были времена, когда из-за трудностей быта люди были грубы, иногда жестоки. Но быт всё-таки изменился, слава Богу. Россия стала жить более комфортно, хотя и сохраняется поразительное неравенство между столицами и глубинкой; как бы то ни было, нравы в целом опять смягчились. Эта нежность есть повсюду. И она мне по душе.

Если бы к этой нежности да ответственную память и готовность к переменам!

Как-то мы с женой были в Медвежьегорске, бывшей Медвежьей Горе, где когда-то находилась администрация Беломорканала. (Я читал, что Сталин решил: «Медвежья Гора» звучит нецивилизованно, пусть будет Медвежьегорск.) Там теперь есть музей. Два этажа, два плана, два понимания жизни. Музей во славу Беломорканала и музей об ужасе ГУЛАГа. О том, как несчастные зеки, сотни тысяч, строили этот канал. Я спросил у сотрудников: школьники посещают второй ваш этаж? Мне ответили: начинают изредка заглядывать, а старшее поколение – нет.

Не так часто приходят и к мемориалу расстрельного полигона Сандармох – прямо в лесу, где сыновья, внуки, дочери, вдовы, но также историки, школьники, занимающиеся сохранением исторической памяти, общество «Мемориал» прибили к стволам портреты погибших там людей. И как будто весь лес стал местом памяти. Никого в тот день не было, кроме нас.

Маленькая церковка, освящённая, как написано, Патриархом. Маленький памятник. Тысячи лиц. И шум ветра в лесу. По-моему, это лучший пример того, как следует рассказывать о таких человеческих катастрофах. И спасибо карельскому историку Юрию Дмитриеву, благодаря порыву (и ежедневному тяжёлому труду) которого мы имеем сейчас Сандармох. Дмитриев арестован, обвинён в каких-то диких преступлениях, но я уверен, что он докажет свою правоту. Борьба за память в современной России – опасное дело, требующее подчас героизма.

Речь не идёт о садомазохизме, чтобы купаться в рассказах о жестокости. Речь о том, что человек без памяти способен снова придумать любые жестокости. Память надо привить младшему поколению не для того, чтобы они проклинали своих отцов или дедушек, а для того, чтобы они просто знали, что доля зла в их историческом опыте есть. А значит, носителем риска является каждый из нас. Это необходимо, чтобы молодой человек понял: он тоже живёт в истории, и должен будет её менять.

ПИСЬМО 23. «ГЕРОИЗМ – ЭТО РАСПЛАТА ЗА ЧЬЁ-ТО РАЗГИЛЬДЯЙСТВО»

Елена Ильина

Пару лет назад Юрий Алексеевич Дмитриев обратился к группе поддержки с просьбой присылать ему стихи лагерных поэтов, чтобы знакомить с ними своих сокамерников в СИЗО-1 Петрозаводска, то есть, задался благородной целью вести просветительскую работу среди тюремного населения. Идея мне показалась очень стоящей, и я, до той поры ещё не принимавшая участие в кампании поддержки Юрия Дмитриева письмами, послала ему распечатки стихов Валентина Зека (Валентина Соколова) и подборку свидетельств о его жизни.

Стихи Соколова – уникальное явление в российской поэзии, а его биография – одна из самых трагичных в истории советского диссидентства. Я думала, что очень обрадую ими Юрия Дмитриева. Ответа не последовало. И меня это не удивило. Ответов от российских политзеков на мои письма поддержки вообще крайне мало. Может быть, 10 процентов отвечают. Причины, конечно, не личные. Окольными путями иногда поступают сведения, что письма всё-таки доходят до адресатов, пусть и не в полном объёме. Поэтому я продолжаю писать и не получаю ответов.

Фото Е. Ильиной

*Ю. А. Дмитриев за работой
(музей ГУЛАГа на Соловках)*

Через некоторое время я отправила Юрию Алексеевичу вторую порцию лагерной поэзии – распечатанный сборник стихов киевлянки

Поклонный крест по дороге к Секирной горе

Ирины Ратушинской, осуждённой в 70-х за несоветское содержание её творчества, вместе с её биографией, тоже весьма интересной с точки зрения развития постсоветского сознания. Ответа опять не было.

Из переписки с другими узниками совести и украинскими заложниками я знаю, что, кроме лагерной и тюремной цензуры, письма из заграницы и обратно, из российской пенитенциарной системы за границу, проходят ещё и спецпроверку, скажем, на... «пограничной таможне» (по выражению Романа Сущенко), где их зондируют на предмет шпионской диверсии, которая, по всей видимости, и была выявлена

на в посланных мной стихах и тут же на месте обезврежена доблестными пограничниками, или же таковая была распознана в реакции на неё уже самого читателя и полностью истреблена как вредительство и антипатриотические поползновения внутреннего врага.

Тогда я просто послала Юрию Алексеевичу письмо на нескольких открытках с видами Германии, преимущественно Дрездена, и скоро получила благодарственный ответ, из которого узнала, что в детстве Юрий Алексеевич несколько лет жил в Дрездене. Между нами завязалась медленная переписка.

Медленная – потому что за 2 года (2019–2020) из Петрозаводска пришло только 6 писем (учёт своим письмам я не веду из-за нехватки времени). Письма из Европы в российские колонии и тюрьмы «ползут» месяц (полёт Берлин–Москва длится 2 часа, всю корреспонденцию из Германии в Россию доставляют только авиапочтой). Иногда мои письма возвращаются назад через полгода с пометкой «убыл». Иногда мне приходят его письма, которые нужно отдирать от конверта с «мясом» – очевидно, «таможня» намеренно заклеивает их жирным слоем какого-то допотопного клея (тот же Роман Сущенко шутил, что запасы клея сохранились ещё с советских времен, они – неисчерпаемы! «таможня» работает, так сказать, на вечность). Или же приходят

письма, испещрённые чёрными пометками в особо «опасных» для государственного строя местах.

Однажды Юрий Алексеевич упомянул, что ответил на все мои письма, которые получал, и этим подтвердил мои подозрения, что часть писем он не получил или его ответы не дошли до меня. Но крамольная авантюристская автобиография Евгении Ярославской-Маркон, которую я ему послала, до него всё-таки каким-то чудом добралась, и он с большим юмором на неё отреагировал (см. далее), вспомнив, что как-то раз на Соловках раскопал, вероятно, её захоронение.

Надо полагать, в нашей с ним переписке, участвуют многие, от чьей оценки прошлого и настоящего зависит, где, когда и при каких обстоятельствах в мозгу у контролёра входящей и выходящей информации должна вспыхнуть лампочка «внимание, родина в опасности!». И тогда решается, попадёт ли письмо к адресату или в мусорную корзину, где, вероятно, и оказалось большинство моих писем и часть ответов Юрия Алексеевича.

Думаю, что кому-то это было очень приятно, как некоторым может быть очень приятно свернуть шею пойманной пташке. А за раскрытие и предупреждение потенциального вредительства полагаются, как известно, ордена и награды. Но тем более ценно то, что дошло.

Это интересный, хотя, к сожалению, и фрагментарный, рассказ о деятельности Юрия Алексеевича и его мыслях об этом, а также его реакции на события, о которых я ему писала. Привожу здесь отрывки. Мне лично особенно интересно его отношение к «роду», который он иногда пишет с большой буквы, и его частичное противопоставление «Рода» – «Родине», которое при сегодняшнем полном обесценивании, идеологизации и опошлении «сверху» второго понятия важно различать.

Может быть, это кажется важным только мне, как «старой эмигрантке», а может быть, и всем, кто в катастрофах XX века, до конца ещё не «переваренных», утратил (практически уже неизвестное) ощущение своей принадлежности к земле предков. Возможно, это

Фото Е. Ильиной

Валунная баня на пути к Секирной горе

подсознательная человеческая реакция, продиктованная инстинктом самосохранения, поскольку эта земля – сплошная братская могила, наполненная безымянными костями массовых захоронений. Во всяком случае, совершенно очевидно, что гораздо легче управлять населением, потерявшим свои корни, чем людьми, с уважением относящимися к наследию и истории рода. Не допустить искажения истории – значит оставаться частью этого рода. Отыскать следы жертв, назвать их поимённо, насколько это в человеческих силах, – значит вернуть себе «родину».

Эта «родина» никакого отношения к национализму не имеет, в ней даже упора на национальность нет, а только уважение и интерес к тем, благодаря кому мы стали тем, кто мы есть. Даже если человек на полсвета отброшен от земли его предков, не знает их по имени, и их следов почти не осталось в устных семейных хрониках, а глобализация продвигается тем временем семимильными шагами и заставляет видеть актуальные проблемы более насущными, – притягательность земли предков остаётся. Что-то продолжает жить в нас, чей-то глухой голос еле слышно говорит из глубоких пластов неизвестной археологической культуры, с остатками которой в себе мы сталкиваемся ежедневно – в языке, жестах, реакциях, в наших возможностях и пределах.

Жаль, что попытка исследования моей родословной, жития простых деревенских староверов из Удмуртии, которую я послала Юрию Алексеевичу, канула в ту самую пропасть на «пограничной таможне», откуда ничего не возвращается. Мне бы очень хотелось знать, что он об этом думает.

Но и того, что я узнала от Юрия Алексеевича, достаточно, чтобы испытывать к нему большую благодарность за его письма-беседы. Работа по восстановлению истории общего рода ещё не закончена, и, как написал сам Юрий Дмитриев в одном из своих писем, «Я не собираюсь сдаваться!»

Огромный респект!

из писем Ю.А. Дмитриева

«Применительно ко Второй мировой наши отцы и матери нам вешали – Никогда больше. А ныне нас с высоких трибун и экранов ТВ призывают: “Можем повторить!” Повторить что? Бессмысленное убийство миллионов? Во имя чего или кого? Нет у меня желания! И другим не советую... телевизор смотреть... победа оплачена миллионами жизней... героизм – это расплата за чьё-то разгильдяйство...

Хотелось бы жить спокойнее, без героев и разгильдяев. Может быть, пора уже перестать бурлить о победах и говорить о жертвах, которыми эта победа добивалась? Это я уже к своей теме съезжаю, к жертвам, которым оплачена “социалистическая индустриализация” СССР. Сколько миллионов их было? Боюсь, мы никогда не узнаем... около 86 тысяч з/к погибло при строительстве Беломорско-Балтийского канала... По архивным данным там [на 10 га леса кладбище в районе 8 шлюза ББК] похоронено около 10 тысяч человек. 10 тысяч судеб... А лесные кладбища возле бывших спецосёлков? Это могилы раскулаченных крестьян, сосланных к нам, в Карелию. Для чего? Зачем? Кому это было нужно?.. Но ищут могилы своих предков, увы, немногие. Исчезает родовая память. Замещают её “агитки” о красивой войне и подвигах. А когда-то каждый знал свою родословную до 7-го колена. Знал, кем из родни можно гордиться, а кем стыдиться... И эти знания составляли память народа. А народная память – это тот самый краеугольный камень, на котором выстраивается патриотизм. Патриот – человек, любящий свою родину. Родина – земля рода. А без знания, кто в твоём роду, чем занимался и чем запомнился, – нет рода. А нет рода – откуда знаешь, где твоя родина?.. и СССР уже нет, и родина обязательно у каждого своя... [Родина] там, где земля твоего Рода... Знать [своих] предков по именам... патриотизм – дело семейное...» (19.9.2019).

«Приезд Олега Сенцова в Берлин и собственноручное изъятие плаката о своём освобождении – это круто! Надеюсь, кто-нибудь заснял это выдающееся событие... Согласен, Соловецкий монастырь величественен и по образу, и по духу. Каждый раз, когда теплоход подходит к Соловецкому острову, я с надеждой отыскиваю взором уникальную церковь-маяк

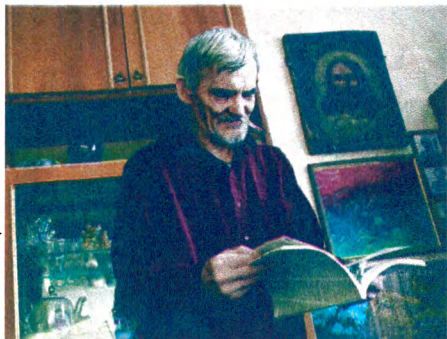
Олег Сенцов перед посольством РФ в Берлине 2019 г снимает плакат с требованием своего освобождения

Фото Укринформ

Демонстрация в Берлине 23 января 2021 г. перед посольством РФ, слева плакат «Нет пыткам в РФ»

Фото Рональда Вендинга, бывшего п/з в ГДР

на Секирном скиту и каждый раз радуюсь, что совсем скоро я смогу смотреть на кораблики оттуда, с Секирной горы.

У меня там, уже много лет, и встречи с давними друзьями-студентами Московской международной киношколы, и объект приложения усилий – кладбища расстрелянных узников штрафного изолятора, который разме-

щался в этом скиту во времена СЛОНа. Там, кстати, со студентами и живём. В старинной валунной бане. Еда на костре готовится, условия самые что ни на есть спартанские... Соловки – объект уникальный. И в духовном плане и социально-бытовом отношении...

Если моя книга о строительстве Беломорско-Балтийского канала хоть на $\frac{3}{4}$ будет похожа на книги [Юрия Аркадьевича] Бродского – я буду счастлив! А Сандармох для меня место возрождения человеческой памяти. Пока будут стоять в Сандармохе погребальные голубцы, таблички, фотографии – будет жить народная память... Появляются национальные памятные знаки – это значит, что народ той или иной страны помнит свою историю.

А это дорого стоит... чтобы не прерывалась родовая правда... она хранит язык, культуру, традиции и обычаи своего народа... сохраняет и передаёт потомкам... убеждён, что человек просто обязан знать своих предков... Тогда появится личная ответственность перед потомками... Я тоже рад обмену. Рад, что ребята на свободе. Про позор режиму писать не стану – цензор не пропустит. Верю, что когда-нибудь и для меня всё хорошо закончится» (24.10.2019).

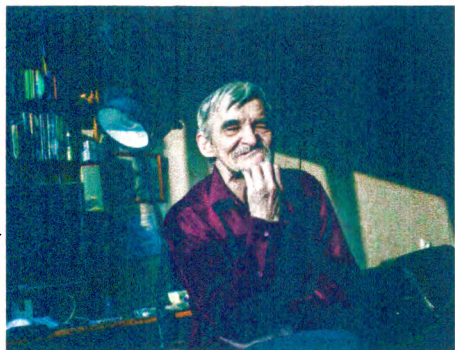
«Спасибо всем, кто откликнулся на мои скромные "рассуждалки", и тем, у кого хватило сил не только прочитать их, но ещё и "лайкнуть"... Пусть это всего 50 человек, но каких!!! ... Сохранение морально-этических, культурных норм поведения рода сформированы за много тысяч лет его существования... И всё это глубоко скрыто в наших генах ... но что-то мы от своих родителей недополучили – информацию о своих предках, и ближних, и давно ушедших. Вот это незнание начинает нас беспокоить.

Мы, в соответствии с заложенной в нас программой сохранения родовой истории, пытаемся как-то её исполнить,.. но без исторических лакун у нас сейчас, пожалуй, ни одной семьи не отыщешь. "Дырчатая

память" – дырчатая мораль. В нашей истории этим с маниакальным упорством занимается государство. Нынче модно и высочайше утверждено заполнить дырки патриотизмом... националистическим дерьмом, ничего общего с родовой памятью не имеющим...» (04.11.2019).

«Надоело уже без дела "прохлаждаться", бока отлёживать... У меня много хороших друзей во многих странах. И не все они обязаны быть русскими. Чем больше людей в разных странах поймут, что ответственность за жизнь человечества лежит и на их плечах – тем быстрее прекратятся войны. Лучшие хвастаться достижениями культуры, чем танками и ракетами. Пусть состязаются поэты, художники, скульпторы. Пусть сосуществуют, дополняя друг друга, культуры разных народов – образуя огромное красочное панно жизни человечества. Эко куда меня занесло. Не иначе как и в самом деле пора на свободу» (01.09.2020).

Фото Анны Артемьевой / «Новая газета»

«...У меня с этой Ярославской [Евгения Ярославская-Маркон 1902–1931] кое-какие личные счёты имеются. Я держал в руках подлинник стеновой газеты, исполненный этой барышней, и был слегка удивлён обилием табуированной лексики в тексте... Мне довелось определять места захоронения расстрелянных на Секирной горе. Метрах в 80 от штрафного изолятора и метрах

в 20 ниже по склону ... в отдельной расстрельной яме обнаружил я захоронение женщины лет 40–45 с чёрными, некогда, волосами... Открыл я её до колен, а вот дальше – поленился.

В общем-то, у меня была несколько иная задача: выявить захоронение, определить количество людей, в нём содержащихся, их половую принадлежность, возраст и (если удастся) причину смерти. Вот теперь маюсь и думаю – а чего это я до конца это захоронение не расчистил? Может, это и Ярославская, а, может быть, и врач санитарный, которую тоже по делу Кремлёвского заговора на Секирке расстреляли? ... Если выставка Светы Кульчицкой состоится в Берлине, это будет класс! "Барышня" она боевая. Жаль, если её коронавирус остановит, выставку, а не Свету. Света Карабах прошла в начале века, в одной руке кинокамера, а в другой АК. Её фиг чем испугаешь. Вот и мы бояться не будем» (02.11.2020).

ПИСЬМО 24. ЧЕЛОВЕК СОЗИДАЮЩИЙ

Светлана Кульчицкая

Вот я и дома. Разбираю фотографии, которые сделала вчера в коридоре суда, между мимолётным проходом Юрия Дмитриева в окружении конвоя в зал заседаний и обратно... Правда, мне повезло даже переброситься словом и обняться, нарушая все правила, все правила, все правила... Они давно нарушены. Правила. И самое главное, не нами, а теми, кому поперёк горла нормальное понимание, что такое хорошо и что такое плохо. Очевидно, родились в семьях, где им это не объяснили. Я уже не говорю о вере.

Фото С. Кульчицкой

Большинство из них, желающих уничтожить ДЕЛО ЖИЗНИ Дмитриева, его самого и... и... и... нас, зачем-то приезжающих в этот северный город, можно встретить в храмах со свечками, молящихся, знающих ВСЕ ЗАПОВЕДИ. Они простые. Вот только соблюдать их в нашем государстве крайне сложно. Хотя и

Глава, не путать с головой, казалось бы, в обнимку с Патриархом, а вот заповеди так и не выгучил или просто, как говорят, положил на них, на эти заповеди... А что уж говорить про погонников его «величества», про тех, кто при должностях, при деньгах неправедных, при мантии... Смотрю кому-нибудь из таких в глаза, что-то вполне внятно пытаюсь объяснить и вижу – пелена, бешенство, неприятие, раздражение. Мы из разных миров.

И Россия у нас разная. У них телеверсия. А у нас жизнь. И если просто взглядеться в лица, то можно так много понять. Вот потому я выкладываю фотографии многих, кто приехал, кто нужен Юрию Дмитриеву. Он был очень рад, что нас не так и мало. Он сильный, но подпитка необходима каждому из нас, а ему... А ему тем более. Он благодарен каждому письму, каждому доброму слову. А что уж говорить о глазах, которые 18-го смотрели на него во все свои глаза и за секунды пытались выразить всё, что накопилось, сказать ему, что мы с ним, мы благодарны ему за уже и наш САНДАРМОХ.

Там, в этом коридоре-дороге не к храму, вспыхнуло столько светлой энергии, что даже молодые, а может и просто неопытные стражи вели

себя с нами вполне сдержанно. Приехало немало молодежи, которая старалась всё время ожидания использовать свой английский, я заглянула в тетрадки. Глаза, глаза. Встретила своих друзей из Петрозаводска и долго смотрела в глаза человеку, который ходит на все суды, в прошлом году в день рождения пришел с сопровождающим и на озеро, где мы стояли с плакатами в поддержку Юрия Дмитриева.

Фото С. Кульчицкой

Александр Борисович Селюцкий ничего не видит, но в его красивых глазах столько чувств, столько эмоций. В них отражается всё, что он говорит. Он держит мою руку, и я чувствую, сколько в нём силы духа. И понимаю, что он будет всегда рядом с Дмитриевым, как и другие его карельские друзья, верные москвичи, петербуржцы, как и мальчик Игнат, который приезжает из нашего города на суды вместе с мамой. Как-то он Кате Клодт портрет Юрия Алексеевича подарил. Сам рисовал! Мне кажется, в Катю он ещё и влюблён. Она его поцеловала, и он был просто счастлив. Вы увидите, как он смеётся. Это же хорошо.

Вот такие эмоции света были вчера в этом коридоре. А разве они могут быть другими! Нет. Юрий Дмитриев – человек СВЕТА! Если кто не был, пусть придет в Сандармох в Дни памяти 4–5 августа, и поймёт это обязательно... ДМИТРИЕВ – человек создающий, создающий. Вот потому и тянутся к нему люди хорошие. И он хочет быть с нами. Мы ему нужны. Мы с ним ждём друг друга.

В этот его день рождения ровно три года как я вошла в его дом. А он в мою жизнь, с днём рождения, Юра!!! Мы обязательно ещё обнимемся и посмеёмся!!!

ПИСЬМО 25. ЮРИЙ ДМИТРИЕВ СТАЛ ЧАСТЬЮ МОЕЙ ЖИЗНИ

Анна Яровая

28 января для меня всегда особый день. Во-первых, это день рождения моего папы – Михаила Лебедева. Папа – человек, которым я восхищалась с детства. Папа всегда делал то, во что поистине верил, и никто его не мог отговорить от задуманного, он всегда отстаивал правду и боролся за справедливость. Если человек лгал при нём, он говорил в лицо: «Ты – лжец». Папа, конечно, за это много раз расплачивался, в основном карьерой, здоровьем, семейным благополучием. Но я всегда им гордилась, уважала и брала с него пример. Быть смелой, честной, целеустремленной – то, чему научил меня папа.

Четыре года назад я вышла на проспект Ленина в Петрозаводске в одиночный пикет, чтобы поддержать и поздравить с Днём рождения Юрия Дмитриева. Тогда он уже находился в СИЗО почти месяц. Я помню, как звала в пикет коллег и знакомых, но присоединились тогда единицы. «Это самые смелые», – подумала я.

Не помню почему, но тогда мне показалось интересным, что у Юрия Алексеевича и папы один День рождения. Сейчас мне кажется, что это совпадение неслучайно: ведь Юрий Дмитриев и папа так похожи. И может, эта схожесть проявляется не столько в характерах (хотя и в них тоже), сколько в роли этих людей в моей жизни. За последние четыре года столько всего произошло: переезд в другую страну, увольнения и восстановления, смена места работы, много

стрессов, потери, суды – тексты – суды. И каждый раз я думаю: «Если бы не папин характер, я бы не вытянула» или «Если бы не Юрий Алексеевич, то в моей жизни не было бы столько открытий и удивительных людей».

Вспоминаю одну встречу с Юрием Алексеевичем, ещё до всех

фото С. Кульчицкой

судов и уголовных дел. После рождения моего первенца, в 2013-м году, он спросил в свойственной ему манере: «Ну, кто у тебя родился-то?» Я ответила: «Мальчик». Он ухмыльнулся так, смягчился, сказал: «Не мальчик, а СЫН!» Расспрашивал потом, почему назвали Яков, и хвалил, что решили сохранить память о дедах в молодом поколении. Его внимание к таким деталям, к истории моей семьи, к личности моего ещё грудного сына тогда удивило. Сейчас, конечно, я понимаю: в этом – весь Юрий Дмитриев. При всей твёрдости, упрямости, порой жёсткости и сухости, он удивительно чуток и тонок, невероятно внимателен к деталям. Я рада, что Юрий Дмитриев стал частью моей жизни. Мне кажется, что знакомство с ним укрепило во мне идеалы и ориентиры, которые заложил папа. Спасибо вам, Юрий Алексеевич за всё! Свободы и справедливости! С Днём рождения!

ПИСЬМО 26. НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Вера Васильева

Председатель карельского «Мемориала», крупный исследователь истории сталинских репрессий, автор множества книг памяти жертв Большого террора в Карелии, лауреат премии Московской Хельсинкской группы за исторический вклад в защиту прав человека – Юрий Дмитриев уже четыре года находится в СИЗО номер 1 Петрозаводска. Уже в третий раз его судят по надуманным, как многие уверены, обвинениям. Коллеги Дмитриева по поисковой работе, обществу «Мемориал» и другим правозащитным организациям, деятели культуры и уважаемые представители общества считают, что правозащитника преследуют из-за его усилий по возвращению имён жертв сталинских репрессий. Правозащитный центр «Мемориал» (Москва) признал его политическим заключённым.

Обвинения в адрес Дмитриева, насколько сомнительные с точки зрения убедительности доказательной базы, настолько и неприятные, имеют, на мой взгляд, очевидную цель – опорочить честное имя историка. В такой ситуации впору опустить руки. Однако Дмитриев даже в нелёгких и для молодого и здорового человека (а исследователь уже не молод) условиях СИЗО продолжает заниматься темой советских политических репрессий вместе со своими коллегами-историками, в частности, с Анатолием Разумовым.

Ещё во время первого судебного процесса, по результатам которого обвиняемый был полностью оправдан и получил право на реабилита-

цию, историк совместно с коллегами подготовил к выходу в свет книги «Их помнит Родина. Книга памяти карельского народа» и «Красный Бор». В январе прошлого года в международном «Мемориале» в Москве состоялась презентация книги Дмитриева «Место памяти Сандармох», изданной в Петрозаводске.

Находясь в несправедливом заключении, Юрий Алексеевич не только продолжает (это позволяют условия следственного изолятора и дпящегося судебного процесса) заниматься историческими изысканиями. Он также проводит просветительскую работу среди своих сокамерников, пытается, как сам пишет, знакомить их с азами истории политических репрессий в нашей стране. Например, 30 октября прочитал им лекцию о Дне политзека, Дне памяти жертв политических репрессий в СССР. Неравнодушных людей, пишущих ему за решётку, историк просит присылать рассказы о политических узниках – и сталинских времён, и нынешних.

«...В том и вижу свою (и коллег) миссию – напомнить людям об ужасах беспамятства. Нет знаний – нет памяти. Как можно помнить о том, о чём не знаешь?» – написал мне Юрий Дмитриев в недавнем письме.

Этот аспект – именно персонализированная память, с возвращёнными из небытия именами и судьбами расстрелянных, репрессированных, а не только сухие цифры статистики и воздвигнутая государством «Стена скорби», где жертвы репрессий лишены индивидуальных черт, – очень важен для правозащитника. И ещё важна неразрывная связь этой памяти с сегодняшним днем. Руководство нашей страны, в которой до сих пор нарушено даже право на моги-

лу, чему многие годы противостоит Дмитриев, приветствует только «память о победах, о войнах... То есть властям нужны “герои” без капли политического мышления. Такие бездушные исполнители любых приказов. Помнится, человечество это уже проходило», – отмечает в том же письме историк.

Эта война памяти, очевидно, и привела Юрия

Фото В. Васильевой

Дмитриева за решётку и на скамью подсудимых. Ведь благодаря его и его коллег усилиям уже два десятилетия в Сандармох 5 августа, в день начала Большого террора, из разных стран съезжаются люди, чтобы помянуть своих родных, близких, соотечественников, тех, кто там расстрелян и захоронен. Это трагическая, ужасная, постыдная история о жертвах, нуждающаяся в изучении, осмыслении и сохранении, противостоит победно-парадной истории страны, которой Кремль призывает нас гордиться.

Тот, кто не вписывается в изображаемую властями благодетельную картину, рискует пополнить списки современных политзеков, как это произошло с Дмитриевым. Регулярно обновляемые списки политзеков публикуют ПЦ «Мемориал» и другие правозащитники. И если в начале 2012-го они обнародовали перечень из 39 фамилий, то в конце прошлого года он насчитывал уже 286 человек в религиозном разделе и 61 – в общем. Списки, увы, не исчерпывающие. Это, как подчёркивают в «Мемориале», лишь минимальная оценка числа лишённых свободы людей, в отношении которых достоверно установлено, что их уголовное преследование подпадает под определение соответствующей резолюции ПАСЕ о политзеках. Реальное же число политических заключённых, по всей вероятности, существенно больше.

... В одном из писем Дмитриеву, предназначенных для его просветительской работы, я рассказала, что в колонии «Чёрный дельфин», где в 1942 году умерла от брюшного тифа политзаключённая, немецкая актриса Карола Неер, в тех же самых тюремных стенах 18-й год отбывает пожизненный срок бывший сотрудник компании ЮКОС Алексей Пичугин, который дольше всех из современных политзеков удерживается за решёткой.

Не потому ли, что уроки истории, в том числе те, которые преподаёт нам Дмитриев, нами так и не были выучены, в российских тюрьмах сейчас содержатся новые политзаключённые?

ПИСЬМО 27. КАРЕЛЬСКАЯ АНОМАЛИЯ

Зоя Светова

Сейчас, когда все мы ждём рассмотрения кассационной жалобы на решение Верховного суда Карелии по делу Юрия Дмитриева, важно вспомнить хронологию событий и судебные вехи этого беспрецедентного дела.

Для начала: лирическое отступление, которое введёт читателя в контекст общей истории с отношением российского общества к так называемой «педофилии».

29 сентября 2020 года меня пригласили на запись программы «Правда!Да?» на канал «Общественное телевидение». Тема передачи была обозначена примерно как «защита прав детей от взрослых», но состав участников подразумевал, что говорить мы будем не об абстрактной защите детей, а всё-таки о защите детей от сексуальных домогательств взрослых. Я, конечно, не являюсь специалистом и экспертом по этой теме, но недавно написала статью о деле театрального педагога Александра Берёзкина, которого обвинили по печально известной «педофильской» статье УК 132. ч. 4 («насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего»). В «деле Берёзкина» меня больше всего возмутило, как идёт следствие, как шантажом и угрозами убийства в СИЗО его заставили дать признательные показания, от которых он отказался, как только к нему пришёл адвокат по соглашению.

Давно известно, что «педофильские» дела чрезвычайно удобны для повышения коэффициента раскрываемости преступлений, так называемых «палок», которые до сих пор являются критерием качества работы следствия. В этих делах, как, например, и в делах о госизмене, следователям не приходится особенно напрягаться, чтобы доказывать виновность обвиняемого, достаточно показаний потерпевшей, судебно-психологической экспертизы, которая, как правило, констатирует, что «ребёнок не врёт и не фантазирует» – и дело уходит в суд. Так же, как уходит в суд «дело о госизмене»: достаточно справки из ФСБ, экспертизы секретности, и «дело в шляпе». А если и в первом, и во втором случае у следствия оказывается выбитое угрозами или шантажом «чистосердечное» признание обвиняемого, то следствию беспокоиться не о чём.

«Педофильское» лобби и мировая закулиса

На передаче о «защите детей» помимо меня была Анна Левченко, руководитель общественной организации «Сдай педофила», которая говорила вполне разумные вещи. Она рассказывала, с какими ситуациями ей приходится сталкиваться: на горячую линию её организации звонят родители и дети, они заявляют о преступлениях, совершённых против них. И как утверждает Левченко, псевдопедофильских историй достаточно много. Она и её коллеги умеют их отличить, потому что достаточно подробно разговаривают с заявителями. Другая участница программы – Алиса Колесова, судебный эксперт и клинический пси-

холог, говорила о низком качестве экспертизы, о непрофессиональных допросах потерпевших на следствии и в суде, и так же, как я, сомневалась в качестве следствия по такого рода уголовным делам.

Нашу «идиллию» нарушил единственный мужчина – депутат Государственной Думы Николай Земцов, который, как выяснилось, – один

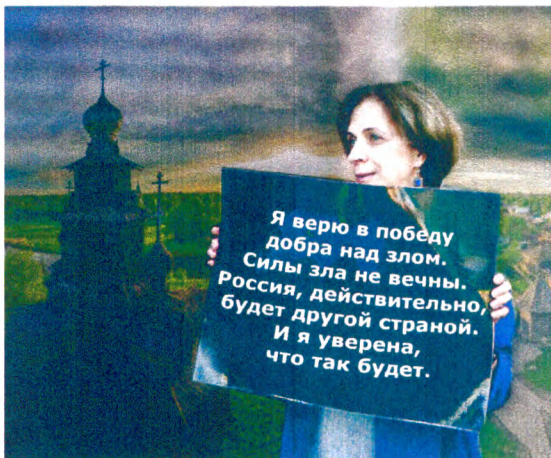
из инициаторов введения смертной казни для осуждённых по «сексуальным» статьям. Его аргументы повергли меня в шок, он, например, важно объявил, что председатель СК Александр Бастрыкин уже давно говорит о существовании в России педофильского лобби, связанного с мировой закулисой.

Понятно, что за 35 минут времени, отведённого на запись программы, мы смогли лишь прокричать какие-то тезисы, поставить вопросы и разошлись вполне довольные собой.

От Людмилы Улицкой до Владимира Познера

Но, как только я включила телефон, посыпались сообщения о том, что Верховный суд Карелии увеличил почти в четыре раза срок наказания историку Юрию Дмитриеву – с трёх с половиной лет до тринадцати. Напомню, «дело главы карельского "Мемориала"» тянется уже четыре года. В ходе двух судебных процессов его уже дважды оправдывали по обвинению в том, что он изготавливал порнографические фотографии приёмной дочери, а летом 2020 года Петрозаводский городской суд признал Дмитриева виновным в «иных действиях сексуального характера» и приговорил к трём с половиной годам колонии, что по этой статье является крайне редким наказанием – «ниже низшего предела». Гособвинение при этом просило для него пятнадцать лет. В Петрозаводском городском суде оно проиграло. Зато одержало реванш в Верховном суде Карелии.

В «деле Дмитриева» есть несколько важных моментов, которые не дают мне покоя. Меня всегда интересовало, почему на защиту

карельского историка за четыре года его уголовного преследования встало так много самых известных в России людей, от Людмилы Улицкой, Натальи Солженицыной – до Бориса Гребенщикова и Владимира Познера. Почему все эти люди не поверили позорным обвинениям против него, поверили его репутации, подписывали в его защиту открытые письма в суд, президенту России и во все возможные и невозможные инстанции?

Бесспорно, все они глубоко уважают подвижническую работу Юрия Дмитриева, которую он много лет вёл по возвращению имён жертвам сталинских репрессий: он открывал имена расстрелянных в Карелии, участвуя в раскопках массовых захоронений жертв Большого террора. Он вместе с коллегами из «Мемориала» способствовал созданию в урочище Сандармох кладбища расстрелянных. Благодаря этой работе сегодня родственники расстрелянных там людей могут прийти, положить на могилы цветы, поставить памятник и точно знать, где похоронены их близкие.

Но думаю, не только уважение перед заслугами Юрия Дмитриева подвигло всех этих достойных людей столько лет его поддерживать, публично и не публично, заставляло их приезжать из разных городов России в Петрозаводск на закрытые процессы лишь для того, чтобы поприветствовать Дмитриева в судебном коридоре.

Всех этих людей глубоко оскорбило то, как шло следствие по делу Дмитриева. Напомню, дело против него было начато по анонимному доносу, после ареста историка его приёмную дочь передали в опеку родной бабушке, которая раньше и слышать про эту внучку ничего не хотела. После первого судебного процесса, закончившегося оправданием Дмитриева, бабушка уговорила девочку подать заявление против приёмного отца, того самого «Хоттабыча», которого раньше девочка просто боготворила.

И вот теперь, когда Петрозаводский суд по сути опять оправдал Дмитриева (три с половиной года – по такой статье – это практически оправдание), по каналу «Вести 24» был показан сюжет, полностью дискредитирующий историка, были показаны фотографии

из уголовного дела, которые телеканалу могли предоставить только силовики или представители обвинения.

Та мстительная настойчивость, с которой «наследники» Сталина уничтожают Дмитриева (а у меня нет сомнений, что те, кто его преследует – именно таковы), наводит на мысль, что Дмитриев, как он написал мне в одном из последних писем, «сильно кому-то хвост прищемил». «Прищемил хвост» тем, кто не хочет, чтобы в обществе говорили о сталинских злодеяниях, о жертвах сталинского террора. «Насолил» тем, кто мечтает о «сталинской реставрации». Люди, защищавшие Дмитриева, безусловно, поняли природу и суть преследования, которому он подвергается.

«Сдать Дмитриева»

Так получилось, что та самая Анна Левченко, глава организации «Сдай педофила», с которой я познакомилась на телевизионной передаче на «Общественном телевидении», на следующий день написала на своей странице в ФБ:

«Я прекрасно помню несколько педофильских дел, где то оправдывали, то срок давали средний, то закрывали лет на 15, и там были вопросы – вы определитесь..., если перед нами педофил, уважаемый суд, то за такое дайте ему максимальную санкцию. А если мы видим, что сначала приговор в три раза ниже нижнего предела, а потом – о-о-о-й и 13 лет, – это должно быть обоснованно, как минимум. <...> Я понимаю, что я сейчас очень рискую, но в данной ситуации промолчать не могу. Ещё раз напомню, что я вообще не знакома с делом Дмитриева и не могу быть объективной вот уж точно, но меня очень напрягло, что на меня полгода назад вышли некие силовики и пытались подбить меня лично и моё движение «Сдай педофила» топить его вплоть до пикетов.

Я не против медийного мочилова реальных педофилов и попросила хотя бы краем глаза взглянуть на обвинительное заключение. Его мне не показали. Показали объективку совсем другой структуры, где про педофилию со стороны Дмитриева было ровно два предложения, – к сожалению не могу вам это показать, а то у меня тоже будут проблемы. Да, тогда был момент, когда меня просто бомбили с разных сторон предложениями его мочить. В общем, все присылали одну и ту же бумажку. Это называется на сленге структур и условной администрации сами понимаете кого объективкой. И вот там ровно два предложения про уголовное дело и три листа про членство Дмитриева в “Мемориале”, статьи про ГУЛАГ и якобы оппозиционную деятельность».

Анна Левченко, как и некоторые другие наблюдатели, которые не глубоко погружены в контекст «дела Дмитриева», считают, что он виноват в том, что фотографировал свою приёмную дочь обнажённой. Они не верят ему, когда Дмитриев объясняет, что эти фотографии предназначались для так называемого «дневника здоровья», который он собирался показать врачам. Девочка была нездорова, у неё кроме всего прочего, был энурез, и Дмитриев боялся, что у него могут отнять приёмную дочь, если врачи установят, что он недостаточно о ней заботится.

Обеспокоенность Дмитриева понимает Нюта Федермессер, глава Центра паллиативной помощи города Москвы. На своей странице в ФБ она заочно спорит с теми, кто не верит Дмитриеву: «А я вот очень хорошо знаю, почему надо делать фотографии голых детдомовцев. Потому что в наших интернатах – и во взрослых, и в детских – люди каждый день умирают с голоду. В мед. документы информация о весе заносится неверная. Потому что человек умирает – а документ остаётся. И если ты вдруг почему-то решил спасти одного такого смертника, то надо обязательно вести фото- и видеofиксацию. Каждый день.

Чтобы потом, когда к тебе придёт опека, тебя не обвинили в том, что ты уморил голодом ребёнка. Вон, выдали его тебе весом в 30 кг, в мед. документации же указано, а через месяц он весит 25. Уморил! Издевался! Да ещё и фотографировал! Педофил! Поэтому я и говорила усыновителям мальчика одного: сразу и каждый день! Фото и видео! И мне присылайте! Чтобы осталась история с датами, и вас бы не обвинили потом. И теперь у меня есть фотографии голого мальчика, почти каждый день, день за днём. Последние пару месяцев стало уже не так актуально. Но раньше – очень. Я – педофил!».

Крах судебной вертикали

Второй момент в последнем эпизоде по «делу Дмитриева», который нуждается в исследовании и рушит мою «картину мира».

Итак, первый приговор Петрозаводского городского суда выносила Марина Носова, она оправдала Дмитриева, признав, что фотографии приёмной дочери не были порнографическими. Верховный суд Карелии её приговор отменил и направил дело на новое рассмотрение. Уже тогда это решение вышестоящей инстанции вызвало у меня удивление. Я привыкла считать, что суд первой инстанции всегда согласовывает приговор со второй инстанцией, чтобы быть уверенным, что приговор «устойт». Приговор не устоял, и Марина Носова, которая избиралась судьей в Верховный суд Карелии, эту должность не получила. Она так и осталась в Петрозаводском городском суде рядовым судьёй.

Эпизод второй: в том же Петрозаводском городском суде судья Александр Мерков рассматривал дело Дмитриева во второй раз – уже не только по порнографии, но и по «развратным действиям насильственного характера». Приёмная дочь заявила, что Дмитриев трогал её промежность, когда у неё был энурез (Дмитриев объяснял свои действия тем, что проверял сухость белья).

Судья Мерков посчитал подобные действия приёмного отца «иными действиями сексуального характера», то есть ненасильственными действиями, и отмерил Дмитриеву три с половиной года колонии строгого режима. Историк должен был выйти на свободу в ноябре. Защитники Дмитриева осторожно говорили о «победе» гражданского общества.

Но Верховный суд Карелии вновь показал «аномалию». И три с половиной года превратились в тринадцать лет. Как такое возможно? Неужели судья Мерков не согласовал свой приговор с Верховным судом?

И в первом случае, и во втором возможен следующий вариант развития событий. Например, судьям городского Петрозаводского суда говорят: «Судите по закону, не жестите». Они разбираются в деле, видят, что нет педофилии, порнографии и оправдывают Дмитриева, уверенные, что вышестоящая инстанция их поддержит.

Но здесь в дело вступают другие силы. Те самые, которые Дмитриева ненавидят, те самые, которые просят защитницу детей Анну Левченко дискредитировать карельского историка. Те самые, которые сливают на второй канал телевидения фотографии из уголовного дела. Те самые, которые имеют рычаги влияния на Верховный суд Карелии.

А что же будет с судьёй Александром Мерковым? Сейчас он – заместитель председателя городского суда и метит в председатели. Станет он председателем или будет наказан за неправильный приговор?

Начался уже и третий суд. Третий процесс в Петрозаводском городском суде. Опять о порнографических фотографиях и о развратных действиях насильственного характера.

Похоже, в этом суде ещё остались судьи.

Надежда на отмену смертного приговора

Теоретически кассационная инстанция в Санкт-Петербурге, где Дмитриев оспорит решение Верховного суда Карелии, может решение отменить. Но это будет ещё одна часть схватки между разными кланами, которые сцепились между собой в «деле Дмитриева». Ставки в этой борьбе – не только историческая правда, потому что дис-

кредитация Дмитриева бросает тень и на дело его жизни, которым он занимался, не только его судьба и судьба приёмной дочери. На кону – репутация сотен и тысяч людей, которые его защищают. И отношения России с Европой, ведь лидеры Франции и Германии поддерживали Дмитриева все годы его уголовного преследования и обращали внимание президента Путина на это дело, требуя освобождения историка.

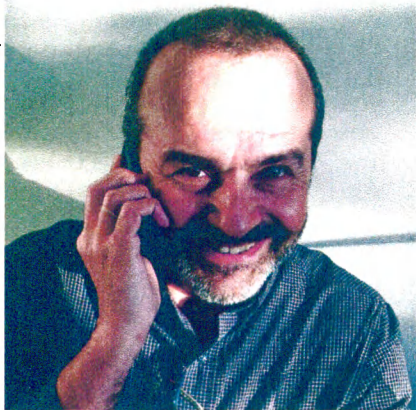
Преследование Юрия Дмитриева по самой позорной статье УК РФ – первое использование этой статьи в политических целях. Но боюсь, не последнее. Ведь не зря председатель СК Бастрыкин ищет связь между якобы существующим российским педофильским лобби с мировой закулисой.

И в «дело» идёт всё: и спецслужбы, и прокуратура, и судьи. В этом безумии рухнет всё, даже казавшаяся столь незыблемой судебная вертикаль. И сегодня никто не может сказать, что его ждёт завтра.

«Охота на педофилов» на государственных каналах телевидения и в следственных отделах приводит к тому, что в зоне риска оказываются все, кто имеет хоть маломальское отношение к детям: учителя, репетиторы, неверные мужья, дальние родственники, даже дедушки, которых кому-то очень захочется выселить из квартиры и отправить на зону. Их, в отличие от Юрия Дмитриева, не будут защищать Людмила Улицкая, омбудсмены Франции и Германии.

Но от того, удастся ли 16 февраля 2021 года на кассации в Санкт-Петербурге, в Третьем кассационном суде, отменить практически смертный приговор, который вынесли Дмитриеву в Верховном суде Карелии, будет зависеть и судьба других невиновных людей, обвинённых по тем же статьям Уголовного кодекса, что и Дмитриев.

*Текст опубликован 3 октября 2020 года на сайте
<https://www.svoboda.org/a/30870808.html>,
приводится с авторской правкой*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ПИСЬМО 28

Дорогой Юрий Алексеевич!

Трудно писать Вам, как ни странно. Выдумывать слова поддержки смешно – Вы воплощение достоинства и мужества.

И всё-таки – просто знайте, что о Вас помнят и Ваш подвиг (да-да) ценят сотни тысяч людей в России и снаружи. Может быть, я даже занижаю цифру...

Будьте здоровы, – а если будет свободных полчаса, прочитайте хронику города Почесалова, написанную мною в два приёма, в 1990 и 2010 годах.

Ваш Виктор Шендерович

ЛУЖА

Геннадью Хазанову

В городе Почесалове достопримечательностей было три: церковь Пресвятой Богородицы Девы Марии, камвольно-прядильный комбинат имени Рамона Меркадера – и лужа на центральной площади.

История первых двух достопримечательностей более или менее ясна. Церковь, построенная при Алексее Михайловиче, была перестроена при Анне Иоанновне, разграблена при Владимире Ильиче и взорвана при Иосифе Виссарионовиче. После чего, ввиду временной (со времён татаро-монгольского ига) нетрудоспособности почесаловского населения, развалины пролежали до Никиты Сергеевича, при котором их приспособили наконец под овощехранилище.

Вторая достопримечательность, камвольно-прядильный комбинат имени Рамона Меркадера, сооружён был после войны и бесперебойно выпускал ледорубы на экспорт, соревнуясь за переходящее знамя с кондитерской фабрикой имени Чойбалсана, выпускавшей что-то до такой степени сладкое, что людей, работавших там, за проходную не выпускали вообще.

Что же до третьей достопримечательности – здоровенной, в полтора гектара, лужи посреди города, – разобраться в истории этого во-

проса гораздо сложнее: никаких документов на этот счёт в почесаловских архивах не сохранилось. Да и в областном центре, в городе Глупове, тоже не нашлось их. Надо заметить, что демократы, в новейшие времена пришедшие к почесаловскому кормилу, неоднократно и с самым загадочным видом кивали на опе-

ечатанные комнаты в местном отделении КГБ – но уже давно побиты стекла в КГБ, уже, посрывав печати, энтузиасты гласности повываскивали из ихних сейфов всё до последнего стакана, а света на тайну почесаловской лужи не пролилось и оттуда.

Вроде как всегда она была; вроде как имманентно присуща этой именно местности! По крайней мере, почётный старожил города Самсон Цырлов, про год рождения которого спорят местные краеведы (сам Самсон Игнатъевич отморозил мозги в Альпах в итальянскую кампанию 1799 года), – так вот, этот самый дедушка утверждает, что ишо в мирное время, до итальянской, то есть, кампании, лужа была.

Ещё указ вроде читали царицы Екатерины Алексеевны: осушить ту лужу, не позорить ея перед Вольтером! – и даже прислали из столицы на сей предмет капитан-исправника, и песка свезли на подводах со всей России, но тут пронёсся по Почесалову слух, что в Петербург, проездом от ливонцев к китайцам, нагрязнул маг, превращающий субстанцию в золото и съестное, – и песка не стало.

Причём, даже и не воровал никто, а просто: вышел утром капитан-исправник на площадь – стоят подводы, нагнулся сапог подтянуть, подтянул его, голову поднял – ни подвод, ни песку!

Снова голову опустил – сапог нету!

Впечатление было столь сильным, что капитан-исправник, до того не бравший в рот, немедленно напился влѣжку, а потом, опохмелившись, пошёл всё это искать. Но мужики, глядя честными глазами, разводили честными руками – и умер капитан-исправник здесь же, в Почесалове, в опале и белой горячке, под плеск разливающейся лужи, в царствование уже Павла Петровича.

При Павле Петровиче жизнь почесаловцев вмиг упорядочилась: первым делом прислал государь с фельдъегерем приказ – устроить на

центральной площади плац и от заутрени до обеда ходить по оному, на прусский манер, под флейту.

Эта весть повергла почесаловцев в уныние, и ближе к полудню они начали стекаться к площади. На месте будущего плаца, широко разлившись, плескалась лужа.

– М-да... – сказал один почесаловец, почесавшись. – Да ещё под флейту...

– А при Катьке-то поменьше была, – заметил насчёт лужи другой.

Постояли они, поплевали в лужу, да и разошлись по домам. Согрела их чисто почесаловская надежда, что начальственное распоряжение, по местному обычаю, рассосётся само. Однако же само не рассосалось, и через неделю весенний ветерок пронёс по городу слово «гауптвахта». Что означало сие, никто толком сказать не мог, но звучало слово до такой степени нехорошо, что население, взяв вёдра, пошло лужу вычерпывать.

Встав в цепочку, почесаловцы принялись за работу, в чём сильно преуспели – по подсчётам местного дьяка, вёдер было перетаскано до восьми сотен с лишком, однако лужи всё не убывало.

Ближе к вечеру почесаловцы сели перекурить, а один шевутной некурящий, интереса ради, пошёл вдоль цепочки, по которой передавали ведра, и обнаружил, что кончается она аккурат у другого конца лужи. Когда он сообщил об этом курящим, его начали бить, а прибыв, разошлись по-тихому, с Богом, по домам. В столицу же было послано с курьером донесение о наводнении, затопившем свежестроенный плац вместе с ходившими по оному, на прусский манер, селянами.

Однако ж прочесть этого Павлу Петровичу не довелось, ибо по дороге в Санкт-Петербург курьер заблудился в просторах и нашёл столицу спустя три года, ранней весной 1801-го.

Опоздал курьер на самый чуток. Гусар Зубов, как раз выходявший из Михайловского замка, взял его за грудки, приподнял над паркетом и спросил:

– Чё надо?

– Донесение к императору, – просипел курьер.

– Пиздец твоему императору, – доверительно сообщил ему гусар Зубов, и курьер, с чувством исполненного долга, побрёл обратно в Почесалов.

При новом государе вопрос о луже временно потерял актуальность: государь воевал. А самим почесаловцам она не то чтобы совсем не

мешала, а так... привыкли. К тому же рельеф дна оказался совсем простой, и даже малые дети знали: здесь по щиколотку, тут по колено, там вообще дна нет.

А вот французы, идучи через Почесалов на Москву, потеряли эскадрон кирасир, до того без потерь прошедший Аустерлиц. Только булькнуло сзади.

Когда здешние сперанские решили осушить лужу и соорудить на её месте нечто по примеру Елисейских полей, патриоты вышли на берег оной с хоругвями и песнопением – и отстояли святое для всех россиян место. Ни черта у сперанских не вышло: Елисейские поля так и остались в Париже, а лужа – в Почесалове. А там уж пошло-поехало: сперанские подались в декабристы, проснулся Герцен – и почесаловцы, поочередно молясь, читая по слогам «Капитал» и взрывая должностных лиц бомбами-самоделками, даже думать забыли о луже.

Только плевали в неё, проходя то в церковь, то на маёвку.

Лишь изредка какой-нибудь нетрезвый гражданин, зайдя по грудь там, где безнаказанно бегал ребёнком, начинал кричать в ночи леденящим душу голосом. Эти звуки отрывали земляков от «Капитала» и борща с гусятиной; они внимательно прислушивались к затихающему в ночи крику и философски замечали:

– Вона как.

И кто-нибудь обязательно добавлял насчёт лужи:

– А при Николае-то Палыче – меньше была...

Наконец, изведя администрацию терактами, почесаловцы дожили до светлого дня, когда на край лужи с жутким тарыхтением въехала бронемашина и какой-то человек в кожанке, никому здесь не знакомый, взобравшись на броню и пальнув из маузера в Большую Медведицу, объявил о начале с сей же минуты новой жизни, а с восьми часов – комендантского часа.

В связи с чем предложил всем трудоспособным в возрасте от 15 до 75 лет явиться завтра, в шесть утра, для засыпки позорной лужи и построения на её месте мемориала Сен-Жюсту.

– А это что за хрен такой? – поинтересовался из толпы один недоречивый почесаловец, и был человечком немедленно пристрелен из маузера. Тут почесаловцы поняли сразу две вещи: первое – что Сен-Жюст никакой не хрен, а второе – что шутки с человечком плохи. Поэтому той же ночью они его потихоньку отловили, связали и утопили в луже, вместе с маузером и броневином.

Тут началось такое, чего почесаловцы не видали отродясь. Белые и красные принялись по очереди отбивать друг у дружки город и, войдя в него, методично уничтожать население, по мере силы-возможности топившее и тех, и других.

Причём процедура утопления становилась всё мучительнее, ибо всякий раз перед вынужденным уходом из города и белые, и красные, назло врагу, поезкадронно, совместно с лошадьми, в лужи мочились.

Вышло так, что последними из города ушли белые, и историческая ответственность за запах осталась на них, о чём до последнего времени знал в Почесалове каждый пионер. Уже в 1989-м побывал здесь напоследок один член политбюро. Два дня морщился, а потом не выдержал и спросил: да что же это у вас, товарищи, запах такой? А ему в ответ хором: да белые в девятнадцатом году нассали, Кузьма Егорыч! А-а, сказал, ну это другое дело...

Но это всё было потом, а тогда понаехало товарищей во френчах – и поставили они возле лужи памятник первому утопленнику за дело рабочих и крестьян и решили в честь его построить канал – от лужи до Северного Ледовитого океана.

Почесаловцы хотели спросить: зачем им канал до океана? – но вовремя вспомнили про Сен-Жюста и ничего спрашивать не стали. А утопить всех товарищей во френчах не представилось возможным вот почему: те провели по земле черту, объявили её генеральной линией и сообщили почесаловцам, что шаг вправо, шаг влево – считается побег.

Канал почесаловцы строили тридцать лет и три года. А когда уже почти прорыли его, оказалось: проектировал канал уклонист и направление, скотина, дал неверное, и всё это время копали не на север, а на восток, не к тому океану.

– А вы о чём думали?
– сурово спросило у почесаловцев начальство.

– А вот мы и думали: чего это солнце на севере встаёт? – ответили почесаловцы.

Так что бросили канал копать и начали его закапывать, причём для пущей государственности закопали туда и са-

Фото А. Брюханова

мих строителей. Закопали, послали телеграмму товарищу Сталину и сели на берегу лужи, орден ждять. Но вместо ордена пришло им из Москвы сообщение, что вместе со всем советским народом они наконец-то осиротели и можно немного расслабиться.

Вскоре в Почесалов приехал из района новый руководитель и сказал: теперь, когда мы этого усатого бандита похоронили, буквально никто не мешает нам эту поганую лужу закопать. А то, сказал, её уже из космоса видно. Давайте, говорит, навалимся на эту гадость всем миром! Услышав знакомые нотки, почесаловцы тревожно на говорящего посмотрели, но ни маузера, ни кожанки не увидели: шляпа да пиджак на косоворотку. Незнакомых слов человек не произносил и собою был прост до крайней степени, будто и не начальник он им, а дядя по кузькиной матери.

Детишек с собою на трибуну взял: видите, сказал, этих мальцов? Если не потонут в вашей вонючей луже, то будут жить при коммунизме.

– Не может быть! – не поверили почесаловцы.

– Сукой буду! – ответил начальник. В «Чайку» сел, шофёр на газ нажал – волной квартал смыло.

А почесаловцы так обрадовались нарисованной перспективе, что тут же выпили и пошли писать транспарант «Здравствуй, коммунизм!», чем и пробавлялись до осени. Осенью лужу заштормило, и аккуратно к ноябрьским пришла из Москвы телеграмма: доложить об осушении ко дню Конституции.

Встревоженные такой злопамятностью, почесаловцы навели справки, и по справкам оказалось: новый руководитель хоть с виду прост, а в гневе страшен, и уже не одну трибуну башмаком расколошматил. Струхнули тогда почесаловцы да и обсадили лужу по периметру, от греха подальше, кукурузой, чтоб с какой стороны не зайдя – всё царица полей! А чтобы её из космоса не видать было, послали трёх совхозных умельцев на Байконур. Те вынули из ракеты какую-то штукювину, – из космоса вообще ни хрена видно не стало!

А умельцы, вернувшись с Байконура, месяцев ещё пять пропивали какой-то рычажок. Взяв хорошенько на грудь, они выходили покурить к луже и, поплёвывая в неё, мрачно примечали:

– А при Сталине-то поменьше была...

И очень скоро обнаружилось: этот новый руководитель был не руководитель вовсе, а фантазёр, перегибщик и волонтарист! Из-за него-то как раз ничего и не получалось.

А уж как коллективное руководство началось – тут и дураку стало ясно, что луже конец! Да и куда ж ей стало деться, когда насос в Почесалов привезли, у немцев-реваншистов на нефтепровод и трёх диссидентов выменянный. Валютная штучка!

Привезли насос на берег лужи, оркестр туш сыграл, начальник красную ленточку перерезал, пионеры горшочек с кактусом ему подарили, начальник шляпу снял, брови расправил, рукой махнул: давай, мол! – да и высморкался.

А высморкался, смотрит: насоса нет.

И все, кто там стояли, то же самое видят. Нет насоса! Оркестр есть, транспарант есть, пионеров вообще девать некуда, а валютная штучка – как во сне привиделась... Искали её потом по всей области с собаками, посадили под это дело двух баптистов, трёх юристов и четырёх сионистов; прокурор орден Ленина получил. А лужа так и пролежала, воняя, посреди города до самой перестройки, и так почесаловцам надоела – просто невозможно сказать!

Поэтому нет ничего удивительного в том, что с первыми лучами гласности почесаловское общество пробудилось, встрепенулось и понесло местное начальство по таким кочкам, что отбило у того всякую охоту к сидению. Начальство стало ездить, встречаться с народом и искать возле лужи консенсусы.

А народ, как почувствовал, что наверху слабинку дали, так словно с цепи сорвался – вынь ему да положи к завтраму, блять, чего со времён Ивана Калиты недодано!

Сначала, на пробу, в газетах, а потом раздухарились, начали начальство в лужу живьём окунать и по местному телевидению это показывать. А уж райком почесаловский, собственными языками вылизанный, измазали всем, что только под руку попало. А под руку в Почесалове отродясь ничего приличного не попадало, город с незапамятных времён по колено в дерьме лежал.

Памятник утопленнику за дело рабочих и крестьян снесли, а на цоколь начали забираться все кому не лень и речи говорить. А на третий день один такое сказал, столько счастья всем посулил, что его сразу выбрали городским головой. У некоторой части почесаловцев название должности вызвало обиду: выходило, что они тоже какая-нибудь часть тела... – но их уговорили.

А уж как выбрали голову, сразу свободы произошло – ешь не хочу! Народ в Почесалове отродясь толком не работал, а тут и на службу приходиться перестали: по целым дням ходят вокруг лужи с плакатом

«Хочим жить лучше!» – да коммунистов, если под руку попадутся, топят.

А рядом кришнаиты танцуют, кооператоры желающих на водных лыжах по луже катают, книжки по тайваньскому сексу продают. Да что секс! Социал-демократическое движение в Почесалове образовалось, господами друг дружку называть начали. «Господа, – говорят, бывало, после хорошенького брифинга, – кто облевал сортир? Нельзя же, господа! Есть же лужа...»

Кстати, насчет лужи новым руководством было сказано прямо: луже в обновлённом Почесалове места нет! И открыли наконец обществу глаза: оказывается, это не белые во всем виноваты, а красные! Это они в девятнадцатом в лужу нассали.

И появилось на оных берегах совместное предприятие по осушению, почесаловско-нидерландское, «Авгий лимитед», и уже через два месяца дало результаты! Генеральный директор с почесаловской стороны выступил по телеку и сказал: предприятие заработало свои первые десять миллионов и приступает к реализации проекта.

«Сколько?» – не поверил ушам ведущий. «Десять миллионов», – скромно повторил генеральный директор и при выходе из студии был схвачен в сумерках полномочными представителями почесаловского народа – и сей же час утоплен.

В общем, он ещё легко отделался, потому что всех остальных посадили, а которых не успели посадить, те из Почесалова уехали и до конца жизни мучались без родины, которую без мата вспоминать не могли.

А почесаловцы, утопив мерзавца, заработавшего десять миллионов, обмыли это дело – и зажили в полном равенстве. А поскольку работать было им западно, а совсем без дела сидеть тоскливо, они увлеклись борьбой исполнительной и законодательной властей. Два года напролёт в ящик смотрели, но на второй год уже в противогазах, потому что запах от лужи сделался совсем невыносимым...

Потом в магазинах кончилась еда. Этому почесаловцы удивились так сильно, что перестали ходить на митинги и смотреть в ящик, а к зиме впали в спячку.

Пока они спали, им пришла из других городов продовольственная помощь, и её съели при разгрузке рабочие железнодорожной станции.

Почесаловцы спали.

Это может показаться странным – ведь не медведи же, прости, Господи! Но это, во-первых, как посмотреть, а во-вторых: за столько

веков борьбы со стихийным бедствием этим, с лужей, столько было истрачено сил, столько похерено народной смекалки, которой славны меж других народов почесаловцы, что даже удивительно, как это они раньше не заснули...

Чернели окна, белел под луной снег.

Иногда только от воя окрестных волков просыпался какой-нибудь особо чуткий гражданин, выходил на берег зловонной незамерзающей, подступившей уже к самым домам лужи, и, мочась в неё, бормотал, поёживаясь:

– А при коммунистах-то поменьше была...

1990

2

Двадцать лет спустя, лысеющий пимен, я шёл, уже не помню зачем, из Барнаула в Сыктывкар и вдруг вздрогнул, обнаружив себя в знакомом пейзаже.

Да, это был Почесалов. Со всей несомненностью указывали на это тысячи милых сердцу мелочей; главным же образом – родной горком КПСС с неизменной колоннадой и ласково сиявшей на солнце табличкой, с двуглавым петушком и надписью «Администрация». Петеля задумчиво драил какой-то азиат; другие азиаты колупались рядышком в клумбе, и я понял, что я попал.

«Ты ли это, славный Почесалов?» – спросил я, пытаюсь унять волнение сердца. «Ну, я», – ответило мне эхо. «Как ты жил эти годы, горд-герой?» – спросил я. «Какая на хер разница», – ответило эхо.

И я остался.

Ибо нельзя же, чтобы новейшая история Почесалова канула в лужу неопознанной! Чтобы краеведы не вешали мемориев на местах новой внезапной славы, чтобы дети не писались от страха у школьной доски, что забудут какую-нибудь, не в добрый час, вежу. Чтобы народы мира не вздрагивали ежечасно от счастья, что живут снаружи.

Рис. М. Смагина

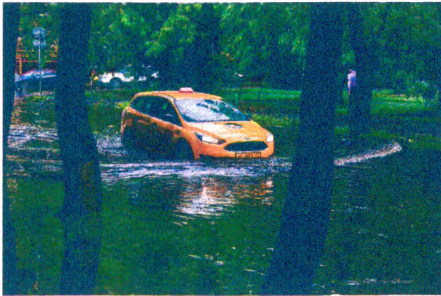
Короче, вот вам.

«Почесаловцы спали»... – заканчивал я некогда первую часть этой правдивой летописи. Проснулись они однажды – от голода. И, поднявшись, вышли на берег лужи в рассуждении: что бы такое поесть?

Очень кстати вернулся в это время из заморских краёв один образованный (он у них один такой и был). Приехал, встал на родном крыльчке, прокашлялся и начал нездешние слова говорить... Про экономику!

А с экономикой в Почесалове сложилось при коммунистах очень благополучно: выплавка чугуна стояла по обочинам лужи такая, что мир дуба давал от изумления! Пшеницу же почесаловцы, по местной традиции, растили в Канаде, силами самих канадцев.

Фото А. Брюханова

В этот волшебный пейзаж и явился образованный со своим нездешним словарём: какой-то Гоббс, да чикагская школа, да Фридман с Хайеком... Почесаловцы сначала хотели его линчевать за такие слова, но голод не тётка – поскребли в затылках и решили испробовать чикагской школы. Прибор для линчевания,

однако ж, перед учёным кабинетом оставили, чтобы помнил себя приезджий...

Но приезжий сгоряча впал в полную ересь, обнулил матушку-историю и поделил лужу промеж населения – по Хайеку выходило, что от частной почесаловской инициативы зловонная гадина сама собою исчерпается. Полную приватизацию объявил, злодей, до последней пичужки!

Тут почесаловцы разделились довольно неравномерно на шустрых и обиженных. Человек пять-шесть, с криком «кто первый встал, того и тапки!», в один момент прибрали к рукам весь пейзаж, – остальные так и остались стоять с раскрытой vareжкой и ваучером в похмельных пальцах, пока не стемнело.

Когда над Почесаловым снова взошло солнце, выяснилось, что мрачное коммунистическое время кончилось навсегда! В ларьках по периметру лужи сверкала еда, да не жарчка какая-нибудь, а настоящий продукт! Сервелат финский, лосось норвежский, коньяк французский... Обувь появилась итальянская, машины германские, счета швейцарские,

а главное – у всего этого появились законные владельцы! Правда, почему-то те же самые: из партактива и комсомольской организации.

Остальным почесаловцам, на память о жизни, осталось по бумажке с печатью – плюс, в коллективное пользование, лужа и полное демократическое право сидеть возле неё ровно и сопеть в две дырочки.

– Э! – неуверенно сказали почесаловцы, очнувшись. – А в рыло?

Но никто их не услышал, кроме ментов, заранее поставленных охранять плоды реформ от незрелого населения.

Тут-то самый хайек в Почесалове и начался. Такая пошла чикагская школа, что словами не описать, да и рассказать не очень, потому что те, которые выжили, с тех пор сильно заикаются. Только один седой краевед, с тиком лица и следом утюга на теле, доселе водит экскурсии по кладбищу, где на пяти аллеях, недоумевая, лежат рядками счастливые обладатели ваучеров.

Приверженность почесаловцев идеалам равенства и справедливости довольно скоро привела их к полному остервенению, и ближе к осени по городу стали ездить на грузовиках люди в хаки, с мегафонами и политической программой.

Почесаловцам, измученным ежедневным выбором между секс-шопом и «Макдоналдсом», ихняя программа польстила своей изумительной простотой: люди в хаки предлагали выкрутить стрелки из циферблата и положить всё где лежало. Чтобы без хайеков, а как при царе Иване Васильевиче Джугашвили.

Разогревшись мегафонным образом, с грузовиков начали постреливать в сторону администрации – сначала одиночными, а потом, на радость публике, очередями. Из администрации, немного подумав, выкатили гаубицу – и прямо из неё начали восстанавливать демократический порядок.

Представление длилось несколько дней, и посреди этого праздника народовластия почесаловцы гуляли с детьми и собачками, боясь пропустить интересное.

Когда дым развеялся, никаких экономистов в администрации не было, а вокруг угрюмого городского головы, в два слоя, сидели генералы.

Про почесаловских генералов следует сказать отдельно, ибо больше таких генералов нет нигде, а в Почесалове как раз есть, и очень много. Рядовых неурожай, довольствия с гулькин краешек, а генерал всегда ядрёный, шумный и многочисленный!

Работы у почесаловского генерала через край – главным образом, поддержка нравственности, эти её мать. За утренним кофеом он отражает врагов; днём, выйдя на моцион, ловит за пуговицу штатского, ставит его во фронт и учит любить Родину; вечером инспектирует городскую казну.

Ключи от казны, по традиции, висят у почесаловского генерала на животе, вместо нательного крестика. Оттого почесаловцы и спят пятый век спокойно: никто не проникнет в закрома Родины! А и проникнет – хрен чего найдёт, ибо где прошёл почесаловский генерал, саранче делать нечего!

А уж когда генералы берутся за лужу – прощай, лужа!

В порядке первоначальной мелиорации военные подвели городского голову к гаубице и дали понюхать ствол. От ствола ещё пахло, и голова понял, что надо, пока не поздно, генералов поллюбить. И он заранее наградил их, – и закусив, они приступили к луже, но не сразу, а с военной хитростью.

Сначала решили они приподнять рейтинг головы хотя бы на уровень задницы, – а уж затем двинуть воодушевлённое население на борьбу с катаклизмом. Очень кстати для грядущего рейтинга, стояло на отшибе небольшое, но буйное нерусское сельцо, прирезанное к Почесалову ещё при генерале Ермолове. По нему и вдарили!

В сельце, как оказалось, с ермоловских времён только этого и ждали.

Небольшая победоносная война началась блестящим штурмом, приуроченным ко дню рождения одного местного бонапарта. Числа генералов штурм не уменьшил, чего не скажешь о рядовых, – однако расстраиваться по этому поводу никто не стал, потому что народу в Почесалове было ещё много. Да и куда его девать, народ, как не на поднятие рейтинга?

К весне подорожал хлеб и кончилась лампасная лента, потому что каждый третий почесаловец стал генералом. В общем, втянулись...

И ещё много лет напролёт они фигачили по нерусскому сельцу из всего, что стреляет; воротясь же на берег родной лужи, смывали с рук кровь и копоть, неторопливо туда же мочились и зорко примечали:

– До демократов поменьше была...

Городской голова, как назло, был человек, несколько отягощённый совестью, по случаю чего пил давно и крепко, а тут запил по-чёрному, ибо на трезвую голову видеть сей пейзаж было ему невмоготу. Нали-

вал голове верный начальник охраны – оный же охранник курировал акцизы, спиртное и нефтедобычу...

В иных краях такая награда верности вызвала бы изумление, но только не в Почесалове! Ибо не верит почесаловский человек ни в какую специальность, а верит только в дружбу, скреплённую рассолом.

В процессе совместного употребления городской голова пропил поочерёдно таблицу умножения, собственную биографию и несколько статей Конституции, – и бог знает чего бы ещё совершил, чередуя белую с огуречной, если бы однажды из лужи не высунулась рыба размером с небольшого лося и не сказала: «Скоро выборы».

Лицо у рыбы было совершенно как у главного здешнего коммунаки, и голос похожий. Сказавши, рыба нехорошо рассмеялась и булькнула внутрь.

Тогда только городской голова понял, что пора завязывать. Он попросил охранника пойти сдать посуду, а сам заперся от него и пошёл ставить голову под холодную струю.

Пока он стоял под струёй, верный друг издал мемуары, в которых рассказал о хозяине всё: до бельишка дорылся в непреклонной верности истине!

Свершив этот подвиг, мемуарист, радостно повизгивая, начал полокаться в луже, и только тут все увидели, что сей куратор акцизов был обыкновенная свинья.

Выборы запомнились почесаловцам одним большим праздником. Голова самолично ходил под домам, плясал с бубном, пил чай с баранками, играл в шарады, рубил дрова вдовам, прислонял к плечу бабушек и кормил грудью младенцев. Счастливым визг населения сопровождал его могучую поступь от двора ко двору, и народные почесаловские артисты эстрады мелкой трусцой попевали за бенефисом...

Талантлив был голова! Силушки было в нём, что в атомном ледоколе, и смета была через край, но уж и пряников было роздано до павального диабета, а проклятый рейтинг всё лежал пластом. А выборы совсем рядом маячили, и уже приехал в Почесалов международный наблюдатель с моноклем – смотреть, чтобы всё было по-честному!

Фото М. Чупринской

Таковая европейская прихоть страшно разозлила начальство. В администрации хотели сначала вставить наблюдателю тот монокль в иное место, но решили дело тоньше: завели невзначай на ночь, в посольство, главного местного коммуняка при полном параде – с баяном, красным флагом и медведем на цепочке. Мишенька сплясал, бубнила на баяне «Интернационал» исполнил, иноземец весь репертуар выслушал и понял, что если в Почесалове честно выбирать, ещё хуже будет.

Засунул он тогда сам свой монокль от греха подальше в иное место и отвернулся: делайте что хотите!

Без иноземного надзора самая демократия в Почесалове и началась: коммуняке наутро первым делом порвали баян, а самого чутка притопили в луже, вместе с мишуткой. Певун сразу тише стал, а мишутка вообще с плясками завязал, подался в партию «Наш дом – Почесалов», где до смерти поднимал лапу за кусок сахара, одно удовольствие смотреть.

Умер, правда, от стыда, – с животными это бывает.

Оставшись на второй срок, городской голова слёг, ибо надорвался в процессе агитации: всех бабушек к плечу не прислонишь.

Но не обделил Бог почесаловцев – без присмотра город не остался. Всплыл из ниоткуда, прямо возле администрации, какой-то суетный лысоватый, отзывавшийся на слово «Абрамыч». Всплыл не один, а с большими деньгами и охраной, чем несколько отсрочил погром.

Абрамыч позвал шестерых дружбанов, миновавших взаимного расстрела в эпоху приватизации, и они весело зарулили Почесаловым...

Ежедневную пульку, под коньячок и базар, расписывали всемером прямо у дверей больничной палаты. И кто вытягивал мизер с третьей дамой, входил потом в палату к гаранту-дедушке и возвращался с нефтяной компанией, а кто с двумя тузами и длинной мастью отходил в семерную, того позорно банкротили, выводили на крыльцо и давали пенделя.

Сам Абрамыч никогда не проигрывал, – во-первых, потому что был хороший математик, а во-вторых, проигрыш всё равно не отдавал, и это знали все.

Лужу они заложили, перезаложили, объявили дефолт, взяли кредит, распилили кредит, взяли другой, распилили другой, – короче, провели время с пользой.

Этот период почесаловского народовластия вошёл в историю как прощальный. И ещё многие годы при слове «демократия» перед гла-

зами почесаловцев неотвратимо вставал лысоватый болтливый хрен, прибравший к рукам полгорода и переимевший всё женское население выше ста семидесяти сантиметров.

Когда выборный срок головы снова закончился, и пришло время расчёта, перед крыльцом городской администрации с вечера собралась угрюмая толпа желающих не пропустить начало линчевания.

Один был в кепке с женой, двое в треухах с саблями, трое с орденом на арест, четверо с красным знаменем, пятеро с битами, шестеро с арматурой, плюс ещё полсотни просто желающих дать поскорее в заветное рыло.

Увидев за окном такой пейзаж, Абрамыч со словами «я на секундочку» протиснулся в палату к городскому голове и плотно прикрыл за собой дверь. Наружу он вышел только наутро, и не в Почесалове, а в районе Челси энд Кенсингтон, где и стал бороться за демократию, прерываясь лишь на выполнение своей страшной стахановской клятвы по женской линии.

А в Почесалове тем временем наступил порядок.

Поначалу ничто этого не предвещало, и многим даже казалось, что обойдётся. Но – не обошлось.

Новая эпоха началась невзрачно. Ближе к сроку городской голова вывел с собой за ручку из палаты небольшого человека незапоминающейся внешности.

– Этого, – сказал, – оставляю за себя.

– Этого? – переспросили почесаловцы, не поверив то ли ушам, то ли глазам.

– Этого, этого, – заверил городской голова.

– А это кто? – осторожно уточнили почесаловцы.

– А вот увидите, – пообещал голова.

– Так ить выборы... – напомнили почесаловцы.

– А вот его и выберете, – успокоил голова, видевший будущее насквозь.

– Может, не надо? – ляпнул один бестактный почесаловец. Человек незапоминающейся внешности повернул голову и ласково на него посмотрел, запоминая. Позже выяснилось, что память ему тренировали в специальном месте, там же учили пить не пьянея, поддерживать приятную беседу и пускать иглы под ногти.

Наутро на дом к сомневающемуся пришли восемнадцать человек, частично в масках. Первые восемь были из прокуратуры, остальные из налоговой полиции, пожарной инспекции, наркоконтроля и общества защиты животных. Последним подоспел чувачок из санэпидемстанции со своими тараканами.

Сомневающегося с заломленными руками провели через город, и с тех пор в Почесалове никто ни в чём не сомневался.

Лицо человека с незапоминающейся внешностью почесаловцам пришлось впоследствии запомнить очень хорошо – восемь лет напролёт, дрожа от счастья, они вышивали это лицо крестиком, выливали в чугуне и лепили из пластилина. Малые дети писали по его имени прописи, ткачихи прилюдно

Фото А. Брюханова

кончали от звука негромкого голоса, художественная интеллигенция занимала очередь, чтобы постирать благодетелю носки после отбоя.

Как это всё получилось, никто потом объяснить не мог. Психиатры склонялись к гипнозу, философы кивали на недоступную уму почесаловскую ментальность, историки привычно валили всё на татаро-монголов.

Но сверх того – при новом начальнике завелась в луже говорящая щука, умевшая повышать цену за баррель. А баррель-батюшка был в тех широтах единственным источником жизни (ничем рукodelьным почесаловцы мир порадовать не могли по некоторым особенностям телосложения).

А щука разговорилась: сегодня сорок долларов выкрикнет, завтра восемьдесят... Короче, попёрло. Года не прошло – наполнились почесаловские закрома золотом по самый верх! Новый начальник, ходя по трудовым коллективам, горстями раздавал излишки и бойко шутил; население отвечало обмороками благодарности.

Насчёт лужи начальник оказался строг необычайно: сейчас, сказал, мы положим этой мерзости конец! Вот прямо сейчас. И выйдя на берег, посмотрел на лужу холодным внимательным взглядом.

Лужа сразу усохла на полметра, – по крайней мере, об этом сообщило почесаловское телевидение, а почесаловское телевидение – это вам не си-эн-эн какое-нибудь: эти ежели чего сказали, – умри, но поверь!

И очень скоро почесаловцам открыли окончательную правду – это, оказывается, демократы во всём виноваты! Это они совратили народ с пути истинного, начальстволюбивого, и в лихую годину безвластия ссали в лужу по заданию ЦРУ...

Демократов в Почесалове было много, человек пять. Уже несколько веков они начинали утро с покаяния, а тут, по высочайшей отмашке, начали гонять болезных по пейзажу с улюлюканьем и посвистом. Дёгтя и перьев истрачено было немеряно, но уж и радости населению случилось – давно такой не было!

На глазах у перепуганного мира Почесалов вставал с коленей.

Излишек средств пробудил в горожанах фантазии, доселе невиданные. Всякий честный почесаловец сделал себе карпатский евроремонт, элита перешла с онучей на версачей и взяла в кредит по джипу с кенгурятником... Каждый третий с Лазуркой, каждый второй с мигалкой, и все стали такие гламурные, что хоть не мойся.

Про элиту следует уточнить отдельно. Раньше, в лихие годы безвластия, почесаловской элитой были всякие бесчестные абрамычи, чуть не погубившие среднерусскую возвышенность! Теперь ко власти пришли, наконец, настоящие патриоты: свояки и двоюродные нового начальника, друзья его юности, товарищи по кооперативу и коллеги по пыточной. Все они переехали в Почесалов и переделили промеж себя всё, что лежало плохо или просто неправильно. Отныне почесаловцы могли вздохнуть с облегчением: на Родине всё теперь было под полным контролем; приступили к окрестностям...

Окрестности эти давно и настоятельно требовали мордобоя. Замечено было, что те, которые живут вокруг, Почесалов не любят. То есть буквально в кого ни плюнь при встрече – не рады, уроды неблагодарные!

Ну что сказать? Не повезло почесаловцам с человечеством.

Мордобой так мордобой. Это дело почесаловцы любили, имея в запасе на всякую дипломатическую ноту по паре ядрёных боеголовок. С холодных времён, в большом бункере под лужей, пупырилась взаперти большая красная кнопка – рядом с картой мира, иконой и надписью старославянской вязью: «Так не доставайся же ты никому»...

Завели, короче, под пасху такой православный обычай: чуть кто плохо про Почесалов отзовется – сразу ему в рыло! И, пока лежит без

сознания, отрезать, чтобы не выросло. Начальник во вкус вошёл, раздухарился, по глобусу разъезжать начал, козью морду человечеству делать. Старожилы удивлялись: как он, такой крутой-беспощадный, полвека прожил тише воды, ниже травы?

Борьба с лужей тем временем вошла в решающую фазу – фазу освоения бюджета. Череду блестящих нацпроектов по осушению позволила большой группе родных и близких лидера нации решительно войти в первую сотню списка «Форбс», выбросив оттуда два десятка зазевавшихся азиатов. В честь этой победы в Почесалове был объявлен дополнительный выходной. Чистая формальность был тот выходной – не затем они вообще вставляли с коленей, чтобы работать!

На краю лужи пришвартовалась белоснежная яхта патриотического олигарха, на ней и гуляли, пока не выпал снег. Начальник же, в чьём организме скручена была пружина, не позволявшая подолгу сидеть на одном месте, слетал мухой на экватор и подарил там каждому туземцу по набору матрёшек, фаршированных чёрной икрой!

Благодарные туземцы постановили за это провести в Почесалове зимние игры на деньги ООН.

В предвкушении новых спортивных побед, совмещённых с халявой, почесаловцы чуть не умерли от гордости и перепоя. Голые, разрисовав себя кольцами, они прыгали в лужу и, сколько могли, праздновали прямо там.

Когда, посреди праздника, грянуло время выбирать нового начальника, начались суициды – никого другого над собой почесаловцы представить уже не могли! А тот, по личной скромности, кочевряжиться начал: закон есть закон, говорит. Я, говорит, немею перед законом. Уйду, говорит, вот прямо сейчас уйду, держите меня семеро!

Еле уговорили.

Специально обученная ткачиха рыдала на плече, деятели культуры привычно ели землю, группа учёных вышла к общественности с чертежами и доказала, что ежели начальник уйдёт, земля сей же час разверзнется и поглотит Почесалов...

В общем, как ни измучен был служением народу лидер нации, а раз такое дело, пообещал мучиться дальше, не бросил несчастных на произвол судьбы! А чтобы враги закулисные языки свои поганые прикусили, пересел понарошку из главного кресла в соседнее, а в своё посадил одного совсем маленького, без цвета, запаха и биографии – чисто поддержать место.

На инаугурацию в луже соорудили фонтаны, причём назло Женеве, из принципа, дали струю на метр выше.

Гуляния были в самом разгаре, когда специальный человек на яхте отозвал в сторонку другого специального человека и что-то ему шепнул в самое ухо.

– Не может быть, – сказал тот.

– Может, – ответил первый.

Второй помрачнел и, подойдя к банкетному столу, долго глядел в мёртвые глаза рыбе, лежавшей на блюде. Тут и остальные помаленьку перестали бродить по периметру и собрались наконец вокруг рыбьего костяка с головой. И шёпот пролетел по зале...

Да, это была щука.

Задние две трети её были уже съедены благодарными почесаловцами, и ничего хорошего сказать им она больше не могла...

Кризис почесаловцы вынесли стойко: в список «Форбс» вошли напоследок ещё несколько родных и близких лидера нации. Остальные почесаловцы закочумали своими силами. Яхта ушла на Антибы, а лужа осталась. По весне она всякий раз выходила из берегов, затопливая пустынные огороды и замершие строительные площадки; несколько раз бесследно смывало окрестные деревеньки, но население при вести об этом душевного равновесия не теряло, а продолжало стоически кочумать, не моргнув глазом.

А чего зря моргать! – жизнь в здешних широтах всегда стоила копейку. Твёрдо ориентируясь на эту цену, почесаловцы считали себя потомками римлян, и всем видам дорог предпочитали аппиеву.

Рим Римом, однако ж на третью осень без халявы в Почесалове начался разброд. Заговорили! Сначала те, которые подальше, и шёпотом, а потом вслух, среди бела дня да на каждом углу... Почесаловцы и сами ушам не поверили: с тех пор, как через город провели с заломленными руками того сомневавшегося, никто тут сам по себе не разговаривал. Спросит чего начальство – отвечали по утверждённому сценарию; не спросит – молчали в тряпочку.

А тут зашелестело по городу – и про то, и про сё, причём особенно про сё! И насчёт блестящих нацпроектов все вдруг разом заметили, что бюджет исчез, а лужа осталась. Хотя первоначально планировалось наоборот.

И незнакомым тревожным взглядом почесаловцы стали поглядывать на лидера нации, в ногах у которого ещё давеча ели грунт.

Лидер, уже заметно постаревший на своих галерах, из последних сил делал для нации всё, что мог: ездил на драндулете, пел под караоке, доставал со дна лужи древнегреческие амфоры, кормил с руки белочек, целовал в пузико детей и фотографировался голым в бандане и чёрных очках.

В прошлые годы всё это очень помогало, но на восьмой раз фотографа наконец стошнило, и хотя его, конечно, казнили, но выводы сделали и благодетелю мягко заметили, что с топлесом пора завязывать. И детишек прочь убрали, от греха подальше...

Белочки, в звании лейтенантов, получили наконец отпуска.

А чиновный почесаловский люд, отличавшийся невероятной метеорологической чувствительностью (в смысле понимания, откуда ветер дует), зачастил к маленькому, которого пару лет назад, для отвода глаз, в руководящее стуло посадили...

А маленький вдруг расти стал не по-детски! Ещё, кажется, вчера до пола ножками не доставал, а тут доел тёртое яблочко и самостоятельно проковылял от стула до кровати, что-то гулькавая...

Что он там гулькает, охрана сначала не расслышала, а расслышав, чуть не врезала коллективного дуба по месту службы.

– Свобода лучше, чем несвобода! – щebetал маленький и сам смеялся этой милой глупости.

Когда слух об этой речи пролетел по Почесалову, из щелей полезли наружу демократы, все пять человек. Им поломали руки-ноги и оштрафовали за нарушение общественного порядка.

Новый гарант тем временем продолжал есть тёртое яблочко и гулькать приятные слова – на звуки снаружи он вообще не отвлекался. Росновенький хорошо, кушал замечательно и гулькал всё демократичнее, что привело к появлению международной доктрины о скорой перемене политического курса в Почесалове...

Откуда взялась сия доктрина, какой переломанной рукой была написана, – так и осталось неизвестным. Жизнь текла по пейзажу своим чередом: отпетые римляне пробавлялись подножным кормом... летом выгорали дома, зимой замерзали несгоревшие... тому отбивали почки в околотке, этого ухайдакивали в казарме бравы-ребятушки, иного костлявая поджидала в тюремном лазарете, – но все, включая покойных, понимали теперь, что это только частность, пылинка на сияющем пути прогресса!

Прогресса почесаловцы ждали, как ждут автобуса: придёт, поедет. А не придёт, так и ладно. Всегда готовы были они пойти пешком, а

скажут – так и лечь плашмя. Татаро-монголы, действительно, помогли прибрать из генов излишки гордости – спасибо товарищу Батью за наше счастливое детство!

И затикало в Почесалове странное время... Непонятно было: то ли в самом деле прогресс, то ли дали подышать напоследок. Улицы несколько опустели – кто спился, кто съехал по-тихому; иные учили впрок китайский... Начальники ходили теперь везде вдвоём, старенький да маленький, каждый со своим репертуаром. Старенький мочил по сортирам, маленький гулькал про свободу. Бедные почесаловцы не знали, что и думать. А на вопрос «что делаете?» отвечали, озираясь: ждём двенадцатого года.

Отчего-то казалось им, что в двенадцатом году что-то такое решится само. Французов, что ли, ждали? Я признаться, так и не понял...

Пока писалась сия новейшая история, лето прошло; поднявши голову от рукописи, автор обнаружил за рамами осень.

Лужа, что твой айвазовский, шла бурунами, заплёскивая во дворы, небо привычной овчинкой покрывало родной пейзаж; но иногда вдруг что-то наверху расступалось – и светлело, и солнышко пригревало облупленные стены и насиженные завалинки, и котяра на ступеньках бывшего горкома нежился так сладко, что казалось – всё ещё будет хорошо!

И то сказать – не может же быть, чтобы вовсе сгинул Почесалов, давший миру столько красоты, простора и недоумения! Нет, нет, кривая вывезет, вывезет... Всегда вывозила.

Зайду-ка я сюда лет ещё через двадцать.

Не раньше.

октябрь 2010 года

Составитель

Наталья Демина

Корректоры

Сергей Кокурин

Светлана Панич

Любовь Сумм

Вёрстка

Ramonka

Фото

Анна Артемьева

Наталья Демина

Елена Ильина

Светлана Кульчицкая

Владимир Меклер

Дмитрий Цвибель

и другие

A group of approximately 20 people, including men, women, and children, are posing for a group photo on the wide stone steps leading up to a building. The building's facade is light-colored with a prominent sign in Cyrillic. The people are dressed in winter clothing, such as jackets, scarves, and hats. Some individuals are making peace signs. The background shows a clear blue sky.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

*С Днём рождения,
Юрий Алексеевич!*